

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На правах рукописи

ПРИВАЛОВА Ирина Владимировна

***ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ:
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ
(теоретико-экспериментальное исследование)***

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2006

Работа выполнена в секторе психолингвистики и теории коммуникации
Института языкознания РАН

Научный консультант: Доктор филологических наук, профессор
Юрий Александрович Сорокин

Официальные оппоненты: Доктор филологических наук, профессор
Александра Александровна Залевская

Доктор филологических наук, профессор
Серафима Евгеньевна Никитина

Доктор филологических наук, профессор
Виктория Владимировна Красных

Ведущая организация **Волгоградский государственный
педагогический университет**

Защита состоится «9» февраля 2006 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 в Институте языкознания РАН по адресу: 103009, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/12, тел. 2903585

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института языкознания РАН

Автореферат разослан «19» декабря 2005 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

А.В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Появление многочисленных исследований в области национально-культурного сознания актуализировано современной ситуацией глобализации и взаимовлияния языковых культур. «Этнизация» политических и экономических процессов, пристальное внимание к особенностям межъязыковых контактов и межэтнических конфликтов выдвинули на передний план феномен национально-культурной специфики языкового сознания.

Попытки решения проблемы соотношения ментальных образов и их вербальной репрезентации предпринимались многими учеными, что отражено в названии их работ: «Мышление и речь» [Выготский, 1982], «Язык и сознание» [Лурия, 1979], «Мысль и язык» [Потебня, 1999], «Язык. Культура. Познание» [Вежбицкая, 1997], «Язык. Познание. Коммуникация» [Дейк ван, 1989], «Отношение норм мышления к языку» [Уорф, 1960], «К языковедческой проблематике сознания и бессознательности» [Якобсон, 1996], «Язык и знание» [Кубрякова, 2004] и т.д. и т.п. В современной отечественной психолингвистике единство тандема «рефлексионный процесс» – «речевая деятельность» обеспечивает термин «языковое сознание».

Антропоцентрическая природа феномена языкового сознания несомненна, так как ментальные структуры не существуют автономно, и в возникающую в результате отражения картину мира включены действия и поступки самого субъекта. Языковое сознание не только антропоцентрично, но и этноцентрично (А. Вежбицкая), так как «образ мира меняется от одной культуры к другой» [Леонтьев А.Н., 1975], и, вследствие этого, не существует двух абсолютно тождественных этнолингвокультур, и нет двух абсолютно тождественных образов мира. Поскольку «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, сознание человека всегда этнически обусловлено» [Леонтьев А.А., 1993 : 20] (см. об этом также [Тарасов, 1996, 2000], [Уфимцева, 1996], [Залевская, 2000], [Сорокин, 1994], [Караулов, 2002], [Карасик, 2002], [Телия, 1996], [Красных, 1998], [Попова, Стернин, 2002] и др.). Тогда МКК представляет собой общение носителей разных языков и культур, т.е. неидентичных языковых сознаний, и поэтому чем ближе общность языковых сознаний коммуникантов, тем оптимальнее конечный результат ([Whorf, 1956], [Mead G.H., 1962], [Gudykunst, 1991], [Kim Y.Y. 1977, 1994], [Wierzbicka, 1992, 1994, 1997], [Гудков, 2003]).

Недостаточная разработанность проблемы языковой объективации национально-культурной специфики языкового сознания и предопределяет **актуальность** данного исследования. В существующих этнопсихолингвистических, лингвострановедческих, лингвокультурологических исследованиях все национально маркированные языковые единицы классифицируются как лакунизированная, либо нетождественная, либо неконгруэнтная лексика, т.е. изучается способ «прикрепления» национально-культурной информации к знаку лексического уровня. Подобные феномены терминологизированы как «национально-культурная реалья» [Влахов, Флорин, 1970, 1986], «лингвокультурема» [Воробьев, 1996, 1997], «лингвоидеологема» [Шаклеин, 1997], «языковая единица с

культурным фоном» [Маслова, 2001], «логоэпистема» [Костомаров, Бурвикова, 2000], «этноэйдолексема» [Шейман, 1994] и т.д. и т.п. При вышеуказанных подходах знаки языка не рассматриваются как «тела знаков культуры» (согласно В.Н. Телия), что не позволяет при обращении к ним судить о национально-культурной специфике языкового сознания. Актуальность работы состоит также в создании целостной методологическо-экспериментальной основы для изучения национально-культурной обусловленности вербальной реальности.

Предметом исследования являются вербальные репрезентанты этнокультурной специфики языкового сознания, объективаторы квантов культурно-обусловленных знаний, формирующих национальные когнитивные базы участвующих в акте МКО этноязыковых личностей, квалифицируемые нами как **этнокультурные маркеры языкового сознания (ЭКМЯС)**.

В качестве **объекта изучения** рассматриваются результаты речевой деятельности этноязыковых личностей – представителей русской и американской лингвокультур.

Предлагаемая диссертационная работа представляет опыт комплексного теоретико-экспериментального изучения национально-культурной детерминированности языковых явлений, поэтому **цель исследования** состоит в выявлении природы национальной маркированности лингвистических феноменов и разработке их классификационного анализа.

Поставленная цель предполагает решение следующих конкретных **задач**:

- выявить структуру этноязыкового сознания как совокупности культурного, когнитивного и лингвистического пространств;
- разграничить лингвоструктурные, лингвокультурные и лингвоэкологические параметры межкультурного взаимодействия;
- выделить и описать основные языковые явления, фигурирующие в качестве вербальных репрезентантов образов этноязыкового сознания;
- построить и предложить таксономию языковых феноменов – вербализаторов национально-культурной специфики языкового сознания;
- на примере русской и американской этнолингвокультур продемонстрировать конкретное наполнение разработанной таксономии ЭКМЯС;
- создать методику комплексного изучения национально-культурной маркированности вербального знака с привлечением разнообразных исследовательских процедур.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем представлена целостная система национально-культурной обусловленности языковых феноменов на основе детерминационного единства «язык – сознание – культура». Уточняется наполнение категорий «этноязыковая личность» и «этноязыковое сознание», причем последнее понятие рассматривается в свете его организационных пространств (когнитивного, культурного, лингвистического) и их komponующих (концептуальных метафор, когнитивных прототипов, концептов, концептосфер, фрейм-структур, культурем, мифологем, культурных эталонов, стереотипов, семантических примитивов, лингвистических универсалий и этнокультурных маркеров языкового сознания). Новаторским является введение

термина «этнокультурные маркеры языкового сознания» и его дефиницированность. Впервые создана таксономия ЭКМЯС с выделением лингвоструктурного, лингвокультурного и лингвоэкологического типов. Новым является соединение отечественной теоретической базы изучения языкового сознания с разработанными американскими учеными методологическими основами МКК, например, вербальная презентация культурных измерений (cultural dimensions), таких как: высококонтекстность – низкоконтекстность, полихронемность – монохронемность (по Э. Холлу).

Теоретическая значимость работы определяется тем, что впервые предлагается системный подход к описанию национально-маркированных языковых явлений, разрабатывается понятийный и терминологический аппарат для их анализа. Некоторые положения вносят вклад в изучение проблемы взаимодействия языка и мышления, взаимовлияния языка и развития культуры, а также в разработку проблемы знаковых свойств культурных предметов, интеркультуры в целом и путей формирования зон общности языковых сознаний у представителей различных национальных лингвокультур. Предлагаемая таксономия ЭКМЯС характеризуется высокой степенью обобщенности и может быть экстраполирована на любой языковой этнос, а изучение компонентов этой таксономии позволяет судить об особенностях языкового картирования отдельной этнолингвокультуры.

Практическая ценность исследования обусловлена возможностью включения его результатов в лекционные курсы и спецкурсы по общему и сопоставительному языкознанию, прагма-, психо- и социалингвистике, когнитивной лингвистике, лексикологии, стилистике, риторике, но прежде всего в коммуникативно ориентированные языковые курсы на общефилологических и неязыковых факультетах, которые нацелены на формирование умений и навыков, позволяющих реализовывать и корректировать коммуникацию представителей разных исходных культур. Материалы работы могут использоваться при разработке курса общей теории межкультурного общения, а также тренинговых программ по практике МКК. Учет выявленных семиотически репрезентированных особенностей русской и американской этнолингвокультур может быть полезен при подготовке специалистов, чья профессиональная деятельность предполагает постоянные контакты с их представителями. Данные этого исследования могут найти применение при разработке спецкурсов и спецсеминаров при подготовке специалистов в таких сферах, как культурология, журналистика, связи с общественностью, социология, психология и других антропоцентрически ориентированных областей знаний, изучающих человека, его психику, язык, культуру и общество.

Материалом исследования являются языковые феномены, которые эксплицируют национально-культурную специфику языкового сознания представителей русской и американской лингвокультур, использующих разноструктурные языковые коды.

Источниками материала для исследования послужили:

1. Лексикографические материалы (языковые, лингвострановедческие, ассоциативные, идеографические, специальные и узкоспециализированные словари), всего – 62 наименования;

2. Различные виды текстов (художественные, публицистические, корреспонденция), дискурсивный анализ речи (радио, TV, лекции, диалоги и т.д.). Количество отобранных для анализа примеров, полученных при изучении вышеуказанных источников, составило около 6350 единиц.

3. Результаты психолингвистического ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие три группы испытуемых: русскоязычные информанты – 285 человек; представители американской этнолингвокультуры – 247 человек; группа респондентов, одинаково хорошо владеющих русским и американским лингвокультурными кодами, названная «квазибилингвы», – 231 человек. Всего – 763 испытуемых. В результате были составлены ассоциативные словники трех видов с общим количеством реакционных ответов – 38 317 единиц, при показателе среднего количества реакций на одно слово-стимул – 1,78. Причем, реакция может быть представлена как одной словоформой, так и целым текстовым отрезком. Для обработки собранного материала – ассоциативных реакций – был создан специальный программный продукт, позволяющий оптимизировать статистический анализ. При подсчете данных и анализе результатов ассоциативного эксперимента применялись методы математической обработки данных программы *Microsoft Excel*, а именно: формирование упорядоченных таблиц ассоциатов эксперимента по каждому слову-стимулу, автоматическое суммирование количества полученных в ходе эксперимента слов-реакций на каждое слово-стимул и количество отказов, а также построение гистограмм наиболее частотных ассоциатов (топ-20-ти) с определением зон аналоговых и полных семантических совпадений.

Достоверность и объективность результатов исследования обеспечиваются значительным количеством проанализированных примеров, применением лингвистического интервьюирования и консультациями с носителями языка. При обработке данных, полученных в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента, использовались методы математической статистики, а именно: нахождение показателя относительной величины разницы между группами, или меры различия между группами, с применением статистики Стьюдента, которая дает возможность привести к одинаковым величинам разнородные значения.

Методологической основой диссертации является системный подход, включающий психолингвистический, когнитивный, лингвистический, когнитивно-дискурсивный, коммуникативный, лингвокультурологический, лингвострановедческий субподходы, при котором последовательно и целенаправленно рассматриваются разные стороны такого сложного феномена, каким является этнокультурная маркированность языкового сознания.

Методика исследования. При проведении научного анализа использовались такие исследовательские процедуры, как гипотетико-дедуктивный метод, индуктивный метод, описательно-сопоставительный метод, метод компонентного анализа, метод внеязыкового соотнесения, метод конверсационного (дис-

курсивного) анализа речи, метод контекстного анализа, метод коммуникативной реконструкции, метод установления лакун. Из методов полевого исследования применялись лингвистическое и ассоциативное интервьюирование, а также интроспекция.

Теоретической базой для проведения данного изучения послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвострановедения, социолингвистики, психологии, а также исследования американских антропологов в области МКК.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Культурнообусловленное сознание интегрирует знания о культурных предметах, а также правилах и нормах коммуникативного поведения. Этноязыковое сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой.

2. Тела языковых знаков представляют собой реальную (вербальную) форму виртуальной сущности (образов сознания), а в процессе МКО языковые знаки выступают как функциональные единицы и одновременно являются «овнешнителями» этноязыкового сознания, т.е. образуют единую «базу данных» для механизма МКК и для этноязыкового сознания.

3. Образ этноязыкового сознания конституируют функциональные/операциональные единицы трех пространств: лингвистического, когнитивного, культурного. Эти пространства особым образом структурированы и состоят из функциональных единиц, каждая из которых несет отдельный квант информации.

4. Понятие ЭКМЯС подразумевает рассмотрение не одного отдельно взятого языкового знака, обладающего национально-культурной спецификой, но продуктов речевой деятельности языковой личности – представителя определенного этнолингвокультурного сообщества. Предлагаемое содержание понятия демонстрирует, как в отдельном языковом явлении отражены особенности представления об устройстве мира, специфике языкового картирования и репрезентации структур знаний в языке.

5. ЭКМЯС могут быть таксономично описаны и подразделены на три типа: лингвоструктурный, лингвокультурный и лингвоэкологический. ЭКМЯС лингвоструктурного типа выделяются на том основании, что в структуре и способах организации семиотического кода проявляется форма существования предметного мира с особенностями его свойств и взаимодействий, фиксирующаяся в языковых формах концептов, обнаруживаемых при сопоставлении систем и основных единиц систем двух языков.

6. В ЭКМЯС лингвокультурного типа сосредоточены наиболее явные расхождения контрастируемых этнолингвокультур, которые возникают из-за несовпадения образов сознания, отражающих предметы и понятия в сравниваемых лингвокультурах. Они эксплицированы как: средства речевого контакта, языковые формулы; проксемы, кинемы, темпоремы, нумерологемы, колоремы; реалии, культурные символы и этнографические нонемы; вербализаторы ак-

сиологических концептов; единицы фразеологического и паремиологического фондов; вербальные и вербализуемые прецедентные феномены; целостный текстовый отрезок.

7. В ЭКМЯС лингвоэкологического типа фиксируется диалоговое взаимодействие контрастируемых лингвокультур, а заимствования концептуального, параконцептуального и бесконцептуального вида представляют собой отдельный вид ноологизации, влияющий на особенности лингвосферы языка.

8. Национально-культурная специфика языкового явления особенно наглядна при исследовании системных семантических общностей, тогда при применении методики свободного ассоциативного эксперимента возможно получение данных, свидетельствующих о национально-культурной маркированности языкового знака и особенностях этноязыкового сознания. Результаты экспериментального исследования национально-культурной специфичности языкового явления подтверждают результаты контрастивного анализа и те теоретические выводы, которые были выработаны на его основе.

Апробация результатов исследования. Теоретические положения и выводы диссертации излагались на заседаниях сектора психолингвистики и теории коммуникации ИЯ РАН, докладывались автором на международных, всероссийских, зональных конференциях, симпозиумах и школах-семинарах, включая: Международную научную конференцию «Социолингвистические проблемы в разных регионах» (Москва, ИЯ РАН, июнь 1996); XIII-й Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание: содержание и функционирование» (Москва, ИЯ РАН, 1-3 июня 2000); I-ю Международную конференцию Российской Коммуникативной Ассоциации «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контактах» (“Communicating Across Differences”) (Пятигорск, 3-6 июня 2002); International Conference by the Research Institute for Austrian and International Literature and Cultural Studies «Interculturality, Multiculturalism, and Comparative Cultural Studies» (Vienna, Austria, 6-8 December 2002); Международную научную конференцию «Информация – Коммуникация – Общество (ИКО – 2002)» (Санкт-Петербург, 12-13 ноября 2002); 9-ю Международную научную конференцию «Россия и Запад: диалог культур» (Москва, МГУ, 28-30 ноября 2002); 1-ю Международную научную конференцию «Методы современной коммуникации: проблемы теории и социальной практики» «МСК – 2002» (Москва, МГЛУ, 27-29 ноября 2002); Международную конференцию «IV Степановские чтения. Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики» (Москва, РУДН, 15-16 апреля 2003); Международную научную конференцию «Человек в пространстве языка» (Литва, Каунас, 8-9 мая 2003); II-ю Международную конференцию Российской коммуникативной Ассоциации «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты» (Ростов-на-Дону, 24-28 мая 2004); I-ю Международную научную конференцию «Языки и транснациональные проблемы» (Москва, ИЯ РАН, 22-24 апреля 2004); Научные чтения, посвященные памяти профессора Ф. М. Березина, «Языковое бытие человека и этноса» (Москва, ИЯ РАН, МГЭИ, 3-4 мая 2004); Научно-методический семинар «Германистика в России. Традиции и перспективы» (Новосибирск, 11-

14 мая 2004); Fullbright Summer School «Values, Canons, Prices: Text as Intercultural Currency» (Moscow, June 22-30, 2004); NCA National Convention «Moving Forward/Looking Back» (Chicago, Illinois, USA, November 11-14, 2004). Отдельные положения диссертационного исследования прошли апробацию в курсе «Introduction into Communication Studies» (Indiana University Purdue University, Indianapolis 2004-2005). По теме диссертации опубликовано 57 работ общим объемом 63,6 п.л., в том числе монография «Интеркультура и вербальный знак (Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации)» (29, 5 п.л.).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка, включающего список литературы, список лексикографических изданий и принятых сокращений, списков различных источников, послуживших материалом для анализа, а также приложения, в котором содержатся примеры ассоциативных рейтинговых словников представителей русской, американской лингвокультур и квазибилингвов и сопоставительные топы 20-ти частотных ассоциатов с зонами полных и аналоговых совпадений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор объекта и предмета исследования, выдвигается научная гипотеза, излагаются цели и задачи исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, указываются материал, методология и методы, теоретическая база исследования, формулируются выносимые на защиту положения, сообщается об апробации работы и публикациях.

В **главе I «Единицы межкультурного общения»** рассматриваются общетеоретические вопросы, связанные с актуальными для темы диссертации проблемами: разнообразие подходов в трактовке понятия «языковое сознание», соотношение понятий «образ мира», «языковая картина мира», «этноязыковое сознание», «этноязыковая личность», предлагаются разработанные теоретические основания, определяющие понимание языкового сознания и коммуникативного процесса в условиях взаимодействия несхожих лингвокультур. В *первом параграфе «Межкультурная онтология анализа языкового сознания»* излагаются взгляды ученых, оказавшие влияние на становление межкультурной коммуникации как самостоятельной научной дисциплины в России и США. Используя парадигму Т. Куна [Kuhn, 1970] и данные проведенного анализа библиографических источников, делается вывод, что в США МКК как самостоятельное научное направление находится на стадии развития, о чем свидетельствует разнообразие *теоретических концепций* ([Hall, 1977], [Hofstede, 1980], [Kim, 1977, 1994], [Bennett, 1986], [Lusgaard, 1982] [Ward, Kenndey, 1993], etc.) и *практических руководств* ([Bucher, 1982], [Casse, 1981], [Kohls, 1984], [Stewart, 1992], [Storti 1990], [Storti, 1994], [Weeks et. al. 1977] etc.), тогда как в России МКК переживает этап установления компетенции вновь появившейся научной дисциплины. Развитие психолингвистического направления в изучении МКО в США связано в основном с работами антропологов, разви-

вающих «социоисторическую традицию» ([Cole et al., 1971], [Cole, 1988], [Duranti, 1988], [D'Andrade, 1984], [Scribner, 1984], [Wertsch, 1985]), и исследованиями, в которых процесс МКО рассматривается в связи с познавательной деятельностью индивида, т.е. как интеркультурная когниция ([Hayashi, 1996], [Hayhoe, Briks, 1999], [Hayhoe, 1993]). Теоретическим фундаментом данных исследований являются идеи Л.С. Выготского, А.С. Лурии, А.Н. Леонтьева о языке, мышлении, речевой деятельности, психосоциологическая теория Дж. Г. Мида [Mead G, 1962]. В данной работе изучение феномена «языковое сознание» предлагается через феномен МКК, поскольку мы принимаем постулат о том, что межкультурное общение может быть онтологией анализа языкового сознания [Тарасов, 1996, 1998].

Антропоцентрическая и этноцентрическая природа языкового сознания позволяет нам применить термин «этноязыковое сознание» для обозначения рецепционной деятельности коммуникантов, участвующих в актах МКО. Под **этноязыковым сознанием** мы понимаем культурно обусловленный ин/вариантный образ мира, соотнесенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии. В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, которые определяют этничность национального сознания как отдельного индивида, так и общества в целом. Поэтому этноязыковое сознание существует как в общественной, так и в индивидуальной формах. Этноязыковое сознание не конгруэнтно языковой картине мира, так как включает не только осознанное, структурированное и вербализованное знание, но и неосознанное. Культурнообусловленное сознание интегрирует знания о культурных предметах, а также правилах и нормах коммуникативного поведения. Этноязыковое сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой. Специфика национально обусловленного образа мира наиболее очевидна в процессе МКО, поэтому именно в условиях (как минимум) двуязычной коммуникации (за исключением ситуаций диглоссии) становится необходимым «включение информационно-телеологического режима» (Ю.А. Сорокин) работы сознания и механизмов информационного сличения. Этноязыковое сознание опосредует акты мировосприятия и миропонимания в процессе МКО, а также осуществляет построение субъективных образов объективного мира, используя особый арсенал функциональных единиц. Этноязыковое сознание может трактоваться как один из основных параметров языковой личности [Карасик, 2002: 8].

В условиях МКО представляется целесообразным трактовать языковую личность как носителя этноязыкового сознания, или этноязыковую личность, что позволяет подчеркнуть ее национальные черты, проявляющиеся в фонде языковых средств, служащих материалом для ее реконструкции. Являющиеся основным предметом нашего изучения лингвистические показатели этнокультурной специфики языкового сознания, определяемые как **этнокультурные маркеры языкового сознания (ЭКМЯС)** могут рассматриваться как инварианты, для реализации которых каждая этнолингвокультура имеет свой набор

вариативных языковых средств. Их изучение позволяет воссоздать лингвистический/речевой портрет языковой личности – представителя определенной этнолингвокультуры. Иными словами, каждая этнолингвокультура обладает определенной совокупностью ЭКМЯС, сопоставительное описание которых дает возможность судить о национальной неповторимости репрезентирующих ее языковых личностей.

Образ этноязыкового сознания конституируют функциональные/операциональные единицы трех пространств: лингвистического, когнитивного, культурного. Когнитивное пространство состоит из таких функциональных единиц, как когнитивные прототипы (по Э. Рош), концептуальные метафоры (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону), концепты, концептосферы (по Е.С. Кубряковой), фрейм-структуры (по В.В. Красных). Безусловно, что это явления разного порядка и явления, обладающие разной природой, но считаем возможным рассматривать их вместе как относящиеся к когнитивному пространству и имеющие непосредственное отношение к информации и знаниям. К культурному пространству предлагаем относить культураны, мифологемы, ритуалы, культурные стереотипы, эталоны, символы, а к лингвистическому – языковые универсалии, семантические примитивы и ЭКМЯС. Эти три пространства взаимно проницаемы и составляют единое целое – лингво-культурно-когнитивное пространство, которое конгруэнтно национальному и под которым понимается виртуально-реальное, информационно-эмоциональное («этническое») поле [Гудков, Красных, 1998], используя единицы которого языковая личность участвует в коммуникационных процессах и, в том числе, в процессе МКК. В функциональных единицах когнитивного и культурного пространств можно выделить продукты эмоционально-психически-духовной деятельности языковой личности, участвующей в МКО, и лингвистические экспликации, в которых зафиксированы результаты этой деятельности. Если продукты принадлежат концептуально-категориальной сфере, то их репрезентанты относятся к лингвистически экспонированной области, где и становятся лингвистической реальностью, т.е. функциональными единицами лингвистического пространства.

Во втором параграфе «*Определение понятия «Этнокультурные маркеры языкового сознания»*» проводится анализ изученности феномена национально-культурной маркированности языковых явлений и их соотношения с языковыми универсалиями и семантическими примитивами. В существующих лингвострановедческих и лингвокультурологических исследованиях изучаются лексемы, содержащие культурно-маркированные семантические доли, т.е. узаконивается вхождение непонятного представления в состав слова, тогда как понятие ЭКМЯС подразумевает включенность национально-культурных знаний не только в денотативно-коннотативную структуру языкового знака, а в структуру языка и его единиц в виде пропозиций и фоновых знаний, принадлежащих этноязыковому сознанию языковой личности.

Теоретическим фоном нашего исследования является положение об этноязыковом сознании и его овнешнениях как инструментах анализа специфики МКО, базирующееся на следующих постулатах, разработанных В.Н. Телия [Телия, 1996]. ЭКМЯС, являясь лингвистическими показателями этнокультурной

специфики языкового сознания, представляют собой вербальные репрезентанты образов национально-культурного сознания, объективаторы квантов культурно-обусловленных знаний, формирующих национальные когнитивные базы участвующих в акте МКО этноязыковых личностей. Языковое явление классифицируется как ЭКМЯС, если: а) объективирует национально-культурную специфику языкового сознания; б) при контрастивном сопоставлении обнаруживаются специфические признаки, характеризующие данное языковое явление как национально-культурно детерминированное; в) не является окказионально оформленным, но частотно представлено в языковом материале определенной этнолингвокультуры. Данные признаки могут выступать критериями отбора конкретных языковых феноменов в фокусе их изучения как ЭКМЯС различных видов.

Процесс исследования национально специфичного связан с процессом выделения универсальных элементов, или объединяющего базового ядра, поэтому в данном параграфе представлен анализ понятия «лингвистическая/языковая универсалия» ([Foss, Nakes, 1978], [Hockett, 1966], [Степанов, 2003]), понятия «семантические примитивы» ([Вежбицкая, 1999, 1997], [Апресян, 1995]), сравниваются языковые единицы, выступающие в роли лексических универсалий, и языковые единицы, входящие в ядро лексикона различных лингвокультур ([Wierzbicka, 1992], [АТ-2, 1994; АТ-4, 1996], [Уфимцева, 1996], [Уфимцева, 2000]).

В *третьем параграфе «Таксономия этнокультурных маркеров языкового сознания»* излагаются принципы организации классификации, в основе которых используется, с одной стороны, анализ свойств языковых единиц, относимых по наличию ряда признаков к ЭКМЯС, а с другой – введенный априорно логический принцип рассмотрения ирреальных сущностей, поэтому разработанную нами таксономию ЭКМЯС можно квалифицировать как индуктивно-дедуктивную. Теоретическое разграничение языка как предмета, как процесса и как способности (А.А. Леонтьев) приводит к тому, что выделяемые нами таксоны не имеют четких границ, а составляющие их единицы взаимопереходны, т.е. таксономия ЭКМЯС диффузна и изоморфна.

В структуре таксономии ЭКМЯС выделяются три диффузно смыкающихся таксона (класса): 1) таксон ЭКМЯС лингвоструктурного типа; 2) таксон ЭКМЯС лингвокультурного типа; 3) таксон ЭКМЯС лингвоэкологического типа. Каждый таксон компонуют подклассы, которые в свою очередь состоят из отдельных языковых единиц. Например, в таксон ЭКМЯС лингвокультурного типа входят 8 подтаксонов, среди них: средства речевого контакта и языковые формулы; языковые средства обозначения проксемики и кинесики; вербальные и вербализуемые прецедентные феномены (топонимы, антропонимы, литературные аллюзии) и т.д. И, следовательно, третьим дифференцирующим признаком таксономии ЭКМЯС является ее иерархичность, что свидетельствует о возможности ее трактовки как ядерно-периферического образования.

В общем виде типология ЭКМЯС представлена на **схеме №1**.

Схема № 1.

ЭКМЯС

(этнокультурные маркеры языкового сознания)

Лингвоструктурные

(проявляющиеся в несовпадении этнолингвокультурных пространств, связанных со структурным расхождением сопоставляемых языков)

- Языковые формы концептов, обнаруживаемые при сопоставлении систем русского и английского языков
- Языковые формы концептов, выявляющиеся путем характеристики основных единиц систем русского и английского языков
- Разноформленность системных семантических общностей

Лингвокультурные

(возникающие из-за несовпадения образов сознания, отражающих предметы и понятия в сравниваемых лингвокультурах)

- Средства речевого контакта и языковые формулы
- Проксемы, кинемы, темпоремы, нумерологемы, колоремы
- Реалии, культурные символы и этнографические нонемы
- Вербализаторы аксиологических концептов
- Единицы фразеологического и паремиологического фондов
- Вербальные и вербализуемые прецедентные феномены
- Целостный текстовый отрезок

Лингвоэкологические

(обусловленные лингвоэкологическими изменениями в сопоставляемых дискурсах)

- Неологизмы как репрезентанты современного транснационального процесса ноологизации
- Концептуальные заимствования
- Параконцептуальные заимствования
- Бесконцептуальные заимствования

Глава II «Этнокультурные маркеры языкового сознания лингвоструктурного типа» посвящена описанию языковых феноменов, основной подход к изучению которых базируется на следующем постулате: «В разносубстратном, гетерогенном и гетерохронном образе мира мы и должны попытаться вычлени то, что в нем связано с языком или даже продиктовано или обусловлено его строением и организацией» [Кубрякова, 1988 : 142]. В *первом параграфе «Этнокультурная специфика языковой системы»* представлена антропоцентрическая парадигма в изучении языковой системы, имеющая давние традиции, которые впервые получили четкость языковедческих формулировок в работах А.А. Потебни и И.И. Мещанинова, где была обозначена связь между абстрактными понятиями, ментальными категориями, находящими отражение в языке универсальными понятиями (предметность, действие, субъект, предикат, объект и т.д.) и их представленностью в различных языках. Созвучные концептуальные положения высказаны в семантическом, функционально-семантическом и содержательно-типологическом подходах выделения грамматических категорий, которые образуют сложную систему опосредованного отражения действительности.

О специфике взаимодействия языка, сознания и культуры помогают судить результаты, полученные при исследовании категорий языка и мышления. Связь языкового сознания и абстрактного мышления носит изначальный и непосредственный характер. Языковая экспликация мыслительной деятельности невозможна без участия логических и когнитивных категорий. Только при условии семиотического выражения «интериоризованные» мыслительные формы обретают «воспринимаемое» содержание, имеющее различные формы представленности (см. их анализ [Выготский, 2001], [Рябова, 1968], [Гак, 1998]).

Проявления мыслительно-языковой деятельности могут быть категоризованы в формате логических, понятийных, когнитивных, семантических, функционально-грамматических и других категорий, поэтому предлагается анализ их наполнения, изложенный в концепциях: [Кацнельсон, 1972 : 117], [Адмони, 1968], [Бондарко, 2002 : 11], [Кураков, 2003 : 22-23] и др.

Понятийные, логические, языковые и грамматические категории представляют собой абстрактные сущности, которые организуют языковые элементы всех уровней: они стоят за лексическими и грамматическими значениями, структурируют лексико-семантические и функционально-семантические поля. Данные категории аккумулируют мыслительные содержания и таким образом выстраивают знаковую систему как семиотическую экспликацию языковых и неязыковых знаний. Наблюдение за содержанием и выражением понятийных, языковых и грамматических категорий в сопоставляемых разноструктурных языках рассматривается нами как один из источников получения данных о национально-культурной специфике языкового сознания. Конфигурации элементов, образующих понятийные, языковые и грамматические категории в разных языках, различны, поэтому их соотношение может указывать на вероятные моменты проявления национально-культурной специфики в сопоставляемых языковых системах. Онтологическая сущность мыслительных категорий коррелирует с результатами познавательной деятельности человека и способами, ис-

пользуемыми им для осознания и концептуализации окружающей действительности, которые отражены в языковой картине мира. Таким образом, этнокультурное сопоставление языковых систем – это не традиционное контрастивное исследование, а конфронтативный анализ тех языковых явлений, присутствующих на всех уровнях языковой системы, в которых наиболее очевидно отражены национально-культурные особенности языкового сознания. Сопоставительные исследования этнокультурной специфики языковых систем предполагают самый высокий (по сравнению с консервативным сравнительно-описательным подходом) уровень абстракции. Контрастивному анализу подвергаются не отдельные языковые факты, а вполне определенный национальный язык «вместе с определенными историко-, этно-, социо- и психолингвистическими особенностями его носителей» [Караулов, 2002 : 8]. Конфронтативный анализ этнокультурной специфики языковых систем – это не просто выявление суммы признаков, которые отличают один язык от другого, но попытка показать, как эти характерные признаки отражены в этноязыковом сознании представителей сравниваемых лингвокультурных сообществ.

Во *втором параграфе «Этнокультурные маркеры языкового сознания лингвоструктурного типа как следствие структурного расхождения сопоставляемых языков»* обосновывается основной принцип изучения ЭКМЯС лингвоструктурного типа, в качестве которого предлагается концептуальный анализ языковых явлений на уровне сопоставляемых языковых систем и языковых единиц в этих системах. В значениях языковых единиц (как лексического, так и грамматического уровней), репрезентирующих определенный концепт, зафиксированы концептуальные характеристики, т.е. смыслы. В фокусе наших интересов находятся языковые средства, содержащие смыслообразующий национально-культурный компонент и отличающиеся по нему от аналогичных элементов в сопоставляемом языке.

Оперирование понятием «концепт» (имеется в виду термин, служащий объяснению той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека) как устройством для анализа ЭКМЯС лингвоструктурного типа, на наш взгляд, возможно и целесообразно, так как концепт, являющийся основным понятием когнитивной науки, достаточно «приспособлен» для объяснения организации системы представления собственно языковых знаний и представляет собой феномен, позволяющий анализировать взаимодействие языковых единиц с единицами, отражающими психическую и мыслительную деятельность языковой личности, поскольку именно концептуальная информация обуславливает используемую для ее выражения семантику языковых единиц. Таким образом, оптимизировать процедуру описания ЭКМЯС лингвоструктурного типа позволяет именно обращение к понятию грамматического концепта, так как грамматический строй языка свидетельствует о значительной части концептуальной информации, зафиксированной в нем.

В *третьем параграфе «Отражение особенностей контрастируемых языковых систем в языковой картине мира»* приводятся результаты сопоставительного исследования языковых систем, находящихся в распоряжении представителей русской и американской лингвокультур. Универсальные менталь-

ные комплексы (в качестве которых могут выступать в том числе и понятия) приобретают различную языковую категоризацию в зависимости от типа языка. «Тип в языке» (по В.А. Виноградову) проявляется в специфике выражения понятийных и грамматических категорий, что результируется в национально-культурных особенностях фиксации языковой картины мира.

В излагаемом контрастивном анализе в качестве ведущей используется *инферентная процедура*, заключающаяся в первичном обращении к форме контрастируемых языковых феноменов. Далее на основе выявленных черт сходств или отличий делается вывод относительно особенностей стоящих за ними явлений, которые в свою очередь находят отражение в языковой картине мира. Данный подход представляется нам созвучным прежде всего содержанию основного понятия, предлагаемого в исследовании, – ЭКМЯС. В таком ракурсе рассматриваются категории одушевленности – неодушевленности, рода, числа, лица, определенности – неопределенности и др., которые нетождественны в плане корреляции в них лексико-грамматического и семантического компонентов.

Типологические особенности двух языков проявляются и в глагольных системах. Глагольная система русского языка ориентирована на учет видовых признаков действия. Категоризация протекания действия имеет различное формальное выражение в русском и английском языках. В русском языке основные видовые различия «проходят на линии выражения отношения действия к своему внутреннему пределу» [Аракин, 1989 : 22]: «*Он же, mon cher petit papa, брал меня кататься на лодке и ездить на велосипеде, учил меня плавать, нырять, скользить на водяных лыжах, читал мне Дон-Кихота и Les Miserables, и я обожал и читал его, и радовался за него...*» [Набоков, 1991а : 7].

Описание типологических признаков на уровне частей речи в сопоставляемых языках не может не отражать особенности языковых картин мира, поэтому также рассматривается нами как ЭКМЯС лингвоструктурного типа. Выделение частей речи может считаться примером базовой категоризации, так как прототипически восходит «к достаточно определенным с категориальной точки зрения фрагментам мира, определяемым остенсивным путем» [Кубрякова, 2004 : 194]. Грамматические категории и части речи прозрачны относительно именуемых сущностей, поэтому их освещение с позиций *когнитивно-дискурсивного подхода* устраняет противоречие между формальными признаками и семантическим наполнением языкового явления. Такие категориальные понятия, как «предметность», «признаковость», «процессуальность», лежат в основе организации слов в части речи. Тогда факт лакунарности отдельных частей речи в сопоставляемых языковых системах может являться характеристикой особенностей процессов обработки информации о мире представителями определенной этнолингвокультуры: «...семантические классификации, обнаруживаемые в сфере имен и глаголов, – это прежде всего классификации обозначений, в основе которых лежит связь обозначений с миром вне нас» [Кубрякова, 1988 : 157].

В когнитивном подходе понятия предметности, признаковости и процессуальности трактуются как базовые категории словообразования. Тогда, анали-

зируя морфологические типы концептов в разных языках, можно сравнивать специфику структуризации языковой информации в типологически различных языках. Преобладание аналитического способа оформления грамматического значения обуславливает продуктивность таких способов словообразования, как аффиксация, конверсия, словосложение, сокращение. Конверсия определяется в рамках когнитивно-дискурсивного подхода как безаффиксальная транспозиция. *Lightening blinded us* (русск. Молния ослепила нас). *Lightening the way they broke through the forest* (русск. Освещая дорогу, они пробирались через лес). *He rushed into the room with lightening speed* (русск. Он ворвался в комнату с молниеносной быстротой). Форма, оканчивающаяся на *-ing*, может быть причастием, герундием, прилагательным или отглагольным существительным. Если трактовать конверсию как деривационный процесс, то отмечается сохранность значения исходного знака при одновременном получении категориального значения новой части речи.

Особое внимание с точки зрения различий в номинативных картинах мира привлекают к себе категории, имеющие словообразовательный характер и демонстрирующие членение мира, осуществляемое с помощью деривационных средств. Аффиксальное словообразование в русском языке выделяется как один из ЭКМЯС лингвоструктурного типа, поскольку связано с выражением категории оценки, которая очевидно отражает особенности этноязыкового сознания носителей русского языка: «*Серьезность правит бал и тут, как везде; и к серому так и приклеивается кличка Первый дядечка*» – «*Seriousness carries the day here as everywhere: so the gray one finds himself nicknamed Chap number one*» [Петрушевская, 2004 : 99-100 (перевод Рейчел Фармер)].

Так называемые «синтаксические концепты» (по Н.Н. Болдыреву) выделяются нами на том основании, что типологические различия разноструктурных языков проявляются и в инвентарях способов связи, и по наличию определенных синтаксических моделей можно судить о специфике представленности различных отношений в языковой картине мира. Субстантивированно-определятельный тип синтаксической связи, существующий в английском языке благодаря конверсионным процессам, соотносится с таким видом синтаксической связи в русском языке, как управление, в силу типологических особенностей последнего: *job adverts* (объявление о рабочих местах), *a cable-car ride* (поездка на фуникулере), *manual instruction* (инструкция по применению), *media law* (закон о средствах массовой информации), *birthday party* (вечеринка по случаю дня рождения) и т.д. и т.п. Иногда только развернутые, многокомпонентные компенсаторные структуры в русском языке полностью передают смысл английского субстантивированно-определятельного словосочетания, которое может функционировать самостоятельно либо как часть сложного предложения: «*Dear Jean letters assignment*» [Culture Matters Trainees Guide, 1999 : 21] – («Задание по изучению случаев, описанных в письмах, которые начинаются с приветствия «Дорогая Джин»). Особенности синтаксической связи английского языка наиболее показательны в газетных заголовках: «*Web child porn raids across Europe*» [CNN, 2002] («Полиция проводит рейды в Европе по пресечению детской порнографии в Интернете»).

Типологически маркированные особенности словообразовательных процессов и способов синтаксической связи обуславливают возникновение и широкое функционирование сложнокомпозиционных форм в английском языке. Композиты фиксируются во всех функциональных стилях английского языка: а) масс-медийном дискурсе: «*The demand-boosting effects have more than offset the job-destroying ones*» [The Economist, 11.02.2001]; б) рекламном дискурсе: «*Today, an upscale all-you-can-eat Japanese seafood buffet offers vast assortments of mouth watering culinary delights*» [«Today» restaurant advertisement]; в) разговорном дискурсе: «*You got that kind of I don't-care-what-nobody-thinks-of-me thing*» [м/ф «Shrek»]. Встречаются в текстах художественной литературы: «*Frodo had chosen it, because it stood in an out-of-the-way corner of the country*» [Tolkien, 2002 : 224]. Анализ композитных форм в разноструктурных языках может служить одним из многочисленных аргументов в пользу правомерности гипотезы Э. Холла о существовании высококонтекстных и низкоконтекстных культур [Hall, 1977], [Hall, 1982].

Кроме расхождений в инвентарях способов связи, выделяется структурная несопоставимость семантически тождественных односоставных глагольных предложений в русском и двусоставных личных предложений в английском языке. Безагентивность русских синтаксических конструкций может рассматриваться как свидетельство того, что многие события, отраженные в русской языковой картине мира, трактуются как происходящие сами по себе и принимающиеся как данность, совершающееся действие, на течение которого ничто не может повлиять [Вежбицкая, 1997], [Вежбицкая, 2001 : 37]. Но прямолинейность данного подхода справедливо подвергается сомнению [Гудков, 2003].

В четвертом параграфе «Культурно детерминированные языковые единицы» рассматривается специфика структурной организации единиц языка, исследование которых, в свою очередь, позволяет судить об особенностях организации языковой картины мира и этноязыкового сознания языковых личностей. Каждый язык специфичен в использовании способов наименования объектов и описания ситуаций. При сопоставлении состава двух языков выделяем расхождения в значениях лексических единиц, а также в их материальном оформлении и дистрибуции, поэтому контрастивному анализу в антропоцентрической парадигме подвергаются такие явления, как несовпадение объемов семантического значения сопоставляемых единиц, а также различные виды сочетаемости предметных имен.

Выделяем следующие типы семантических расхождений: 1) историко-этимологические: *dog – собака, нес*; 2) родо-видовые: *пальцы – fingers, toes*; 3) конкретизирующие, обусловленные расхождением признаков, включенных в эквивалентные понятия: *удобный – comfortable, convenient*; 4) абстрактно-конкретные, связанные с неэквивалентностью степени десемантизации (абстракции) у сопоставляемых понятий: так, английской лексической единице «thing» соответствуют конкретные русские существительные: «вещь», «предмет», «дело (тема)», «ситуация, событие», «существо» и др.; 5) каузативные, когда большая семантическая широта проявляется в способности одной английской лексической единицы реализовывать одновременно значения кауза-

тивности/некаузативности: *to burn, to fall, to boil, жечь – гореть; упасть – уронить; кипеть – кипятить и т.д.* б) понятийные, существующие из-за различия в количестве объектов и их признаков, обобщенных в значениях сопоставляемых лексических единиц (полисемантичность глагола «to get»).

Специфика комбинаторики языковых единиц в разных языках эксплицирует своеобразие языковой картины мира. Изучение сочетаемости предметных имен помогает решить задачу реконструкции отдельных фрагментов языковой картины мира. Предлагаемое понятие «языковой образ объекта» [Рахилина, 2000 : 11], сформулированный на основе объяснения языкового поведения предметных имен (т.е. их лексической сочетаемости), помогает воссоздать языковое представление об этом объекте. Семантика и сочетаемость предметных имен допускают не только когнитивный анализ, но и психолингвистический подход – рассмотрение синтагматики и парадигматики лексических единиц позволяет судить о том, как одна языковая картина мира отличается от другой, и, соответственно, составить представление об этнокультурной специфике языкового сознания коммуникантов, участвующих в акте МКО.

Облигаторная лексико-семантическая сочетаемость, характеризующая категориальные семантические признаки номинируемых объектов, может квалифицироваться как один из видов ЭКМЯС лингвоструктурного типа: «*Maybe Mr. Baggins has an honest reason for leaving his name behind*» [Tolkien, 2002 : 122] (*an honest reason* – серьезные основания). Этнокультурная некоррелированность наблюдается в случаях номинации признака в атрибутивно-субстантивированных словосочетаниях: *casualty department* – *травматологическое отделение больницы*; *all-night shop* – *магазин круглосуточной торговли*; *small wares stand* – *отдел иштучных товаров и т.д. и т.п.*

Сочетаемость слов определяет внутриязыковые закономерности, такие, как характер семантики опорного компонента, фиксированность употребления одного из компонентов по отношению к другому, направление их связи (односторонняя или двусторонняя) [Гак, 1977 : 202], о чем свидетельствуют: а) глагольные коллокации типа: *to catch a train, to run a risk, to launch a boat, to run a factory, to fly a plane* и т.д. и т.п.; б) фразеоматические глагольные сочетания типа: *to make the most of smb; can't help doing smth, to feel like doing smth; to be used doing smth* и т.д. и т.п. в) глагольные сочетания с примыкающим фазовым глаголом, используемым для конкретизации способа протекания действия: «*Casey opened the door, and they walked to the car in the hazy morning sunshine. Allison cried, "Hi, Daddy!" and broke into a run*» [Crichton, 1997 : 15]; г) префиксальные коллокемы: «*Imitrex is recognized as an effective treatment for migraines by the National Headache Foundation*» [The Oprah Magazine, 2002 : 286].

Зависимость семантического объема языковой единицы от ее сочетаемости носит взаимообуславливающий характер. Семантическое значение слова определяет специфику его синтаксической и лексической сочетаемости, а анализ синтагматики, в свою очередь, позволяет составить исчерпывающее представление об объеме и специфике лексического значения. Атрибутивная, вербальная и постфиксальная сочетаемость предметных имен демонстрирует наиболее активные признаки денотата, которые зафиксированы

системой языка. Многочисленные психолингвистические эксперименты, направленные на исследование языкового сознания, продемонстрировали национально-культурную зависимость слов-реакций от значения стимульного понятия. Результаты разнообразных подходов к изучению значения слова служат доказательством того факта, который А.А. Леонтьев определил как «принципиальное единство психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» [Леонтьев А.А., 1969 : 268.].

В пятом параграфе «Разноформленность системных семантических общностей» рассматриваются структурно-системные полевые образования языковых единиц не только как лингвистическая, но и психологическая реальность на основании их соотнесения с определенной областью человеческого знания об окружающей действительности, иначе – «вплетенности» семантики в языковое сознание пользующегося языком индивида. Национально-культурная маркированность лексико-семантической сочетаемости позволяет постулировать, что и продукты этой сочетаемости, существующие в виде лексико-семантических групп, полей, ассоциативных полей, ассоциативно-вербальных сетей и других ментально-языковых системных образований, также национально-культурно специфичны.

В главе III «Этнокультурные маркеры языкового сознания лингвокультурного типа» рассматриваются лингвокультурные параметры МКО. Существование ЭКМЯС лингвокультурного типа обусловлено несовпадением совокупностей знаний о конкретных предметах и понятиях в сравниваемых этнолингвокультурах. По способам эксплицитной представленности вербализованных форм выделяются ЭКМЯС лингвокультурного типа *поведенческо-коммуникативной, аддаитивно-кваликативной, реалитивной* экспликации, а также такие лингвосемиотические формы, как ЭКМЯС лингвокультурной экспликации, а именно: *паремии, вербальные и вербализуемые прецедентные феномены, целостный текстовый отрезок и материализующие аксиологические концепты лингвистические единицы*. Предлагаемая типологизация в достаточной степени условна, так как компоненты выделенных групп взаимосвязаны и взаимозависимы: в реальном акте МКО междометия, релятивы, обращения используются в комплексе с проксемическими и кинесическими сигналами; культурная символика непосредственно связана с квантативно-квалитативными показателями (нумерологемами, колоремами), а целостный текстовый отрезок может содержать любой из вышеназванных видов ЭКМЯС.

В первом параграфе «Поведенческо-коммуникативная эксплицированность» проводится сопоставительный анализ средств речевого контакта и языковых формул, нетождественно отражающих определенные отрезки лингвокоммуникативной действительности.

Национальный колорит вербальной коммуникации обеспечивают такие контактоустанавливающие средства, как междометия, обращения и релятивы говорящего. Социо-культурная конвенциональность, внеконтекстная полисемия, связь с невербальными компонентами коммуникации, асимметричность представленности функционально-понятийного компонента являются теми факторами, которые определяют несопоставимость некоторой совокупности

неизменяемых вербальных реакций в коррелируемых этнолингвокультурах. Новые формы междометий появляются в составе прецедентных высказываний с выраженным просодическим компонентом, выполняющим функцию коннотативной связки с прецедентной ситуацией. «Авторское» междометие как часть прецедентного высказывания, приобретая черты прецедентности и единичности, переходит в разряд общеупотребительных и фиксируется в национальном составе языка наряду с уже существующими интеръектными формами: «*Whoa!*» (Neo, played by Keanu Reeves, in the movie *The Matrix*. This cry of astonishment was included in most TV ads for the film. This catch phrase was first uttered by Joey Russo, played by Joey Lawrence, on *Blossom*) [TV Acres, 2004 : 21]. Междометий – неологизмов, появившихся в американском дискурсе в последние десятилетия, достаточно много: «*Wowzers!*» (*Inspector Gadget*); «*Wuh-pa!*» (*Rope Girl's battle cry in Teamo Supremo*); «*Yatta!*» (a song by the Japanese group *Green Leaves*; later popularized by the Flash animation «*Irrational Exuberance by Veloso*»). Also a quote by Chun-Li when she wins a fight); «*Yoink!*» (*The Simpsons*).

Речевое поведение и коммуникативный стиль в значительной степени зависят от высококонтекстности или низкоконтекстности (по Э. Холлу) лингвокультуры. Формальное американское обращение директивно и характеризуется отсутствием прагматического компонента, тогда как в русском обращении просматривается отношение к собеседнику и ситуации (сцене) общения.

Во втором параграфе «*Перцептивные модели этнолингвокультуры*» сравнительно изучаются ЭКМЯС лингвокультурного типа аддативно-кваликативной экспликации, к которым принадлежат *проксеми, кинемы, нумерологемы, темпоремы, колоремы*.

Проводится контрастивный анализ семиотической репрезентации komponующих микро-макрокосмическую перцептивную модель базовых категорий, таких как пространственность, темпоральность, холлистичность, партикулярность и др. Совокупность представлений о базовых категориях служит образным основанием для языковых сущностей, исследование которых позволяет судить о дифференциальных характеристиках контрастирующих этнолингвокультур.

Пространственные отношения могут быть представлены как совокупность универсальных бинарных оппозиций [Цивьян, 1985]. Сопоставительный анализ лингвистической представленности оппозиции «свой – чужой» свидетельствует о высокой степени идентичности универсально-природного принципа сохранности своего собственного пространства в кодифицированном поведении русских и американцев: *не в свои сани не садись (everyone should do his own business)*; *не суй нос не в свое дело (mind your own little business)*; *своя рубашка ближе к телу (charity begins at home)*. Оппозиции членения мира по вертикали «верх/низ» и горизонтали «правый/левый» семантически и аксиологически схожи в сопоставляемых этнолингвокультурах. Национально-культурная специфика проксемических отношений просматривается в актантной модели организации языковых единиц и глагольно-постпредложной сочетаемости.

В образных основаниях английских и русских идиом и паремий, обозначающих дистантные отрезки, лежат неидентичные ситуации, так как за основу

измерения берутся различные объекты: *to be between the devil and the deep blue sea* – находится между двух огней, двух зол; *to be at the end of the rainbow* – находится далеко за пределами мечтаний. Культурно-национальная мотивированность прослеживается также и в отборе соматологических образов для обозначения проксемических составляющих: *to be a skip and jump from smith* – быть в нескольких шагах от чего-то; *to be a stone throw away* – быть поблизости, в двух шагах, под рукой, под носом и т.д. «*They now kept a stone's throw to the left of the road*» [Tolkien, Vol. I, 2002 : 37]. Кроме того, в семантике «проксемических» идиом заметны различные базовые метафоры, которые позволяют уточнять способы концептуализации обозначаемого в различных этнолингвокультурах: «*to be on the shelf*» – быть старой девой, не имеющей шансов на замужество; «*to be on the side of angels*» – поступать справедливо, честно.

Специфика проксемических ощущений проявляется в разном выделении основного дистанционного компонента – точки или линии и наполняемости таких аксиологических концептов, как «point» и «privacy», которые еще раз подчеркивают наличие низкоконтекстных характеристик у американской коммуникативной культуры и высококонтекстных – у русской. Особенности проксемической организации коммуникации, как правило (но не абсолютно всегда), определяют выбор такесических средств. В дистантных и низкоконтекстных культурах, например, таких, как американская, такесемы редки и обладают предельной степенью символизации. Важным компонентом кинесического поведения являются окулемы, среди которых наибольший интерес представляет визуальный контакт, так как концепт «eye-contact» лакунизирован для русской этнолингвокультуры, а существующие русскоязычные корреляты «глазной контакт», «визуальный контакт» описывают не присущие нам поведенческие нормы. В низкоконтекстной и неконтактной американской коммуникативной культуре языковое поле «визуальность» отличается большей детализацией и разработанностью: в английских фразеологемах и поговорках языковая единица «eye» несет более весомую и многообразную семантическую нагрузку, чем в аналогичных русских коррелятах. Сравнение двух соматологических карт представляет доказательства различий на уровне определенных совокупностей знаний – выбор индикаторных средств в качестве прилагательных оценок и конкретизирующих компаративов определяется образом ведущей соматемы.

Темпоремы отличаются от кинем, проксем и других ЭКМЯС этой группы тем, что имеют как категориально-грамматическую, так и лексическую экспликацию, зафиксированную в языковых формах, что делает возможным изучение временной концептуализации с точки зрения лексической и коммуникативной семантизации темпоральных образов.

При сопоставлении английских и русских лексем, номинирующих субъективные темпоральные отрезки возраста, обнаруживается различная степень детализации: *babyhood, infancy, newly-born babies, baby in arms, teenage, post-adolescence, post-teenagers, toddlers*: «*We've done some renovations, but are finding it a challenge to finish everything with our toddler underfoot*». Стратификации внутри взрослой возрастной группы во многом разнородны и противоречивы, что и отражено в языковых «темпорально-геронтологических» единицах. В

американской этнолингвокультуре фиксируется большое количество разнообразных языковых единиц, номинирующих взрослый возраст человека: *adults, grown-ups, generians, middle scents, seniors, mature people, seasoned people, people of third age*. Все лексемы (за исключением «adults», «grown-ups» и «generians») возникли в последние десятилетия как эвфемизмы, смягчающие возрастную дискриминацию.

В линейной составляющей модуса относительного времени отмечаются моменты, подтверждающие национально-культурную обусловленность темпорального сегмента языковой картины мира, а именно: 1) специфика языковой представленности фаз суточных отрезков и членение 24-х часового временного отрезка; 2) различные идеи собирательности временного отрезка, 3) тенденция к минимизации при номинировании темпоральных отрезков «*It is hard to stay well with a nineteen month old in the house*»; 4) несоответствия аксиологических концептов «время» и «time» (в американских идиомах, имеющих значение «добиться всего», «добиться славы и успеха», неизменно присутствует концепт «time»: «*the big time*», «*to hit the big time*»).

Несхожесть темпорально-пространственных моделей, лежащих в основе темпоральных образов, непосредственно определяет коммуникативное поведение этноязыковых личностей как представителей монохронемных и полихронемных культур [Hall, 1959] с преобладанием монохронемных характеристик в американском коммуникативном поведении и полихронемных в русском. В монохронемных культурах время линейно, ясно ощущаемо, делимо (*linear, tangible, and divisible into blocks*) [Hall E.T., Hall M.R., 1987]. Языковая картина мира фиксирует это такими единицами, как «*spread out across time*», «*spanning across generations*», «*the time line*», or «*time frame*». Монохронемный «взгляд» рассматривает время как конкретную реальность, представляющую собой определенную ценность («*time is money*»), которая может быть приобретена («*to buy time*»), потрачена («*to spend time*») или потеряна («*to waste time*»). В полихронемном представлении время нелинейно, циркулярно, циклично («*в жизни все идет по кругу*», «*как аукнется, так и откликнется*»).

Нумерологемы, так же как и колоремы, являются вторичными продуктами базовой категоризации: восприятие объекта как такового и его отношений с другими объектами превалирует над восприятием квалитативно-квантативных характеристик его образа. Универсальность мыслительной категории «единичность – множественность» позиционирована национально-культурной обусловленности квантативных отношений. В цифрах зафиксирована информация о культурных символах и отражены стереотипы национального мышления, а языковые стратегии и тактики в количественном представлении мира также определены национальным компонентом языкового сознания. Понятие «нумерологема» объединяет семиотические единицы, содержащие цифры как национальную категорию меры, и цифры – экспликаторы специфики квантативных отношений, кодифицированные этнолингвокультурой, в которых отражены национальные особенности количественной символизации. Функции прототипических чисел в русской культуре выполняют нумерологемы «три», «семь», «девять», «сорок». В американской языковой картине мира аналогичное использо-

вание нумерологом связано в основном с числительным «nine». Но, как правило, появление нумерологом в американских идиомах незакономерно и окказионально, что происходит в силу закрепившихся в культуре представлений о том, что содержание нумерологемы должно быть предельно конкретным и единственно возможным: «*to have one over the eight*» (*подвынуть, хлебнуть лишнего*); «*to be at six and sevens*» (*быть в полном беспорядке и неразберихе*); «*to happen at the eleveth hour*» (*происходить очень поздно, или в самый последний момент*): «*Unfortunately, the present defoliation, motivated by short-term economic benefit, probably will continue unless a revolution in public and official attitudes comes to the rescue at the eleveth hour*» [International Herald Tribune, 1999 : 12]. Произвольность при привлечении конкретных цифровых показателей в операциях сравнения двух или нескольких объектов, а также абсолютная точность в использовании цифр трактуется как еще одно доказательство низкоконтекстного характера американской этнолингвокультуры.

Этнический «цветовой взгляд» формируют *колоремы*, как ЭКМЯС, определяя его «цветовую палитру», которая, будучи воспринимаемой индивидом, в свою очередь обуславливает его оценки, стереотипы, установки. Именно результаты контрастивного анализа элементов, образующих группу колористических лексем вторично-производной номинации, являются источником данных об особенностях цветоязыковой картины мира. Односторонне лакунизированные цветоименования детерминированы спецификой региональной фауны (*buff, peacock blue, dun, periwinkle*), флоры (*avocado, heather, heliotrope, mistletoe*) и особенностями жизни (*moccasin, maple syrup, pop-corn white*) определенной этнолингвокультуры: «*According to members of the original commission established to design the flag, the shades of buff and colonial blue represent those of the uniform of General George Washington as shown on a specific plate from an official U.S. Army publication*» [Delaware Facts and Symbols]. Национально-культурная специфика колорем проявляется в их «выборе» модификаторов (*indian red, navajo white, alice blue, colonial blue*). Национально-маркированный компонент денотативного значения цветолексемы производно-вторичной номинации проявляется в случае совпадения денотата с реалией, присутствующей только в одной из сопоставляемых этнолингвокультур: *златоглавый, лубочный, кумачовый, пряничный и т.д.*

Неидентичность цветового сегмента языковой картины мира проявляется в использовании базовых цветоименований: *белый гриб – boletus mushroom, белая береза – silver birch, белый медведь – polar bear, белая горячка – D. T., белая кость – blue blood, белый свет – wide world, белый стих – blank verse, середь бела дня – in broad daylight, белое пятно на карте – blank space, шито белыми нитками – easily seen, белый танец – lady's choice*. А в колоремных реалиях, таких как «белый билет» (exemption from military service), «белая гвардия», «белогвардеец», «белоэмигрант» остаются нераскрытыми спрятанные за ними культурные аллюзии.

Уникальность колорем состоит в том, что они могут инкорпорировать в свою денотативную структуру комплекс национальных знаний, выраженных в сравнениях, топонимах и антропонимах. Каждая этнолингвокультура имеет

свой колоремный прототип, который вербализован непроизводным базовым цветоименованием, демонстрирующим способность к последующему наращиванию качеств в большей степени, чем другие аналогичные единицы, и к участию в процессах когнитивной метафоризации и языковой метонимии, которые результируются созданием новых квантов знаний с вербально эксплицирующими их языковыми единицами. Проведенный анализ хромолеммы «blue» и ее синонимов, включенных в процессы тропеизации, позволяет утверждать, что они репрезентируют определенную сумму знаний в языковой форме и демонстрируют тенденцию к участию в процессе видения одного объекта через другой. Но хромоним «blue» все-таки не является репрезентантом той когнитивной метафоры, «которой живут» (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону) представители американской этнолингвокультуры, поэтому констатируется наличие черт колоремного прототипа у цветоименования «blue», а не выполнение им функции колоремного прототипа этнолингвокультуры, которое обнаруживается у цветоименования «красный» в русском языке.

Реалии, культурные символы и этнографические нонемы освещаются в *третьем параграфе* данной главы. Они объединены в одну группу ЭКМЯС реалитивной экспликации на основании того, что образы сознания, представляющие совокупность перцептивных и концептуальных знаний о них, отмечаются лишь в одной из контактирующих этнолингвокультур, т.е. являются лакунизированными, а стоящие за этими образами сознания объекты маркируют лингвокультурную общность: «*Я учился в английской школе, находившейся в нескольких километрах от дома, там я играл в «ракетс» и «файвс» (ударяя мяч об стену ракеткой или ладонью)...*» [Набоков, 1991a : 7]. Классификационный анализ реалий в когнитивном ракурсе позволяет разграничить реалии, эксплицирующие лакунизированные концепты («*A Brahmin who graduated Radcliffe but spent her summers far away*» [Ples, 1999 : 13]), ложно-идентичные концепты («*Этот «изыск» даже и до Кевина Тэлавера с его русской Пу-эйч-Ди не совсем дошел...*» [Аксенов, 2004 : 237]) и концепты с нетождественными концептосферами (например, в сферу концепта «*eating out*» входят понятия, представленные такими лексическими единицами, как «*single bar*», «*early bird*», «*cocktail party*», «*wine and cheese reception*», «*clambake*», «*For here or to go?*», «*For carry-out or delivery?*», «*doggie bag*», «*doggie box*»). Вербализаторами лакунизированных концептов выступают этнографические нонемы, топонимы, антропонимы и другие онимы (названия политических и общественных организаций, произведений художественной культуры, искусства, торговые марки и т.д.).

В культурных символах зафиксирована информация конденсационно-эмотивного свойства, имеющая значимость только в одном, отдельно взятом этнолингвокультурном сообществе. В культурном символе отражены коллективные представления о предмете и его свойствах, бытующие у представителей одного этноса. Культурно-символическое содержание материализуется в языковых формах, для которых типичен семантический квазиморфизм – потеря устойчивых референциальных связей и видоизменение эмоциональной оценочности. Вышеуказанные процессы могут претерпевать различные языковые единицы – вербализаторы культурных символов – нонемы (имена нарицательные) и

другие виды онимов (антропонимы, топонимы), а также мифонимы, которые могут быть как антропонимами (Алеша Попович), так и нонемами (русский медведь) и др. Вербально репрезентированные культурные символы показательно и непосредственно связаны с составляющими культурного пространства: культурами, мифологемами, ритуалами, культурными эталонами, символами и стереотипами.

Как одну из лингвосемиотических форм ЭКМЯС лингвокультурной экспликации выделяем вербализаторы аксиологических концептов, сопоставительный анализ которых представлен в *четвертом параграфе данной главы «Аксиологические концепты и этнодескрипторы»*. Фонд лингвистических репрезентантов аксиологических концептов – это отраженная в языке ценностная картина мира, и его исследование позволяет составить представление о системе морально-оценочных ориентиров этноса. Аксиологический концепт генетически связан с национальной аксиологической системой и является по отношению к ней вторично-производным образованием, лингвистический конструкт которого выступает квинтэссенцией оценок, норм, эталонов, представлений. В этом смысле он тождественен культурному концепту в народном сознании, по С.Е. Никитиной ([Никитина, 1991], [Никитина, 1994]). Система национально-культурных ценностей закреплена в языковом сознании представителей этнолингвокультурного сообщества и определяет их коммуникативное поведение ([Kohls, 1994], [Уфимцева, 2000б : 139], [Бердяев, 2001 : 13], [Ильин, 1993 : 232-237], [Ключевский, 1993 : 278], [Richmond, 1996 : 5], [Lewis, 2002], [Касьянова, 1994]). Представленный сопоставительный обзор русских и американских аксиологических концептов строится исходя из интегративно-интерепретативной модели и обращения к одной или нескольким из ее составляющих. При этом аксиологические концепты подразделяются на лакунизированные («privacy», «self-made man», «challenge», «diversity», «identity», «соборность»), ложноидентичные («труд», «друг», «дружба», «дом» и др.) и концепты с нетождественными концептосферами, выделение которых базируется на идеях некоррелятивной культурной разработанности словарного состава, нетождественности номинации и «параметризации» [Степанов, 2004]. Рассматриваются примеры видоизменения концептуальных структур, типа: «*Then, George W. Bush gained half a million fewer votes than his challenger, but won after a month of recounts and court challenges gave him the electoral college votes of Florida*» [Financial Times 25.10.2004].

Национально-культурные ценности этноса проецированы на аксиологические характеристики отдельной языковой личности, принадлежащей этому этносу. Описание любого этнического характера сводимо к перечислению черт, развитых на основе национально-культурных ценностей, поэтому можно утверждать, что представители каждой этнолингвокультуры обладают набором характеристик, находящих свое языковое воплощение в этнодескрипторах – адъективных языковых единицах, служащих для описания этнического характера на уровне черт личности. Это лингвистическая проекция процесса интроецированности (по К. Касьяновой) в личность ценностей, результирующегося оформлением определенных этнохарактерологических параметров. Этнодеск-

рипторы, как названия качеств, используются при описании результатов составления этнических портретов и характеристики автостереотипов. Большинство этнодескрипторов являются производными от имен аксиологических концептов, что предопределяет их высокую степень национально-культурной детерминированности: *судьба* → *судьбоносный*; *правда* → *правдивый*; *совесть* → *совестливый, добросовестный*; *душа* → *задушевный, радушный, добродушный*; *change* → *easy-going, mobile*; *acquisitiveness* → *materialistic*; *practicality* → *efficient, practical*; *challenge* → *challenging, encouraging, creative, adventurous*; *action/work orientation* → *industrious, diligent, committed, devoted, dedicated, etc.*

В пятом параграфе «Оформление характерных черт мышления народа во фразеологическом фонде языка» исследуются фразеологические явления, в которых эксплицируются особенности знания относительно предмета или явления реального мира, обусловленные национально-культурными стереотипами, установками, ценностями – это «не денотация к миру, а повод для отнесения к системе ценностей» [Телия, 1996 : 74]. Реализуя кумулятивную функцию языка, паремии предстают в виде структур знаний, что позволяет трактовать паремиологическое пространство как вербализованную форму существования пространства концептуального. Сами единицы паремиологического фонда выступают как многомерные образования, с определенной моделью информационной структуры по отношению к какой-либо ситуации.

Паремиологический сегмент языковой картины мира уместно сопоставить с набором блоков, в основе каждого из которых лежит аксиологический концепт. Контрастивное исследование аксиологических концептов позволяет раскрыть особенности имплицатур паремиологических единиц, включающих значимостную, оценочно-эмотивную и прескрипционную информацию. Анализ паремиологических блоков, образованных вокруг ложно-идентичных концептов «работа/труд» – «work/labor», проведенный с целью выявления общих и различных источников формирования информационных структур, выявил, что фрейм-структура концепта «work» включает слот «справедливое вознаграждение», тогда как во фрейм-структуре концепта «труд» данный слот отсутствует, что влияет на его содержательный минимум. Вследствие этого русский и американский концепты разнятся по таким важным составляющим, как отношение к труду и характеристика выполняемой работы. На языковом уровне концептуальную неидентичность демонстрируют различного рода связи, развиваемые языковой единицей – экспликатором концепта (синонимические, антонимические, синтагматические, парадигматические и т.д. и т.п.).

Конфигурация фразеологического сегмента языковой картины мира конгруэнтна конфигурации аксиологической составляющей этнолингвокультуры. Основываясь на сопоставительных характеристиках определенных аспектов русской и американской культур, разработанных Р.Д. Льюисом [Lewis, 2000], предлагаем примеры идиом и паремий, иллюстрирующие выделенные аксиологические параметры.

В американской этнолингвокультуре наблюдается тенденция к фразеологизации одной, отдельно взятой тематической группы, что маркирует определенный фразеологический блок как не имеющий соответствия в русской этно-

лингвокультуре, т.е. лакунизированный. В последнее время регистрируется значительное количество фразеологизмов, производящие основы которых входят в состав лексико-семантического поля «Растительный мир». В большинстве своем – это образные выражения, к которым применима стилистическая помета «молодежный слэнг». Например: «*to go bananas*» (*to become crazy*); «*top banana*» (*big shot*); «*to slip on banana skin*»; «*to be full of beans*» (быть полным энергии); «*a couch potato*» (человек, проводящий много времени у телевизора); «*a hot potato*» (противоречивая тема). Если в русской этнолингвокультуре в образе несопоставимых понятий объединяются «лед и пламень», то в американской культуре сравниваются одинаковые родо-видовые объекты: *apples and oranges*: «*Jenny and I, we were like peas and carrots*» [к/ф *Forrest Gump*]. Интересно, что американские компаративы, особенно появившиеся в последнее время, также тяготеют к флористической тематике: «*to be as cool as a cucumber*» (быть очень хладнокровным); «*to be two peas in a pod*» (быть похожими как две капли воды); «*to be as American as an apple pie*» (типично американский) и др.

Национально-культурная специфика идиоматических и паремиологических сегментов русской и американской языковых картин мира проявляется в особенностях представления характеристик этнических сообществ. Инкорпорируемая в «дальние значения» слова этимология базовой единицы – этнонима обуславливает «ближнее значение» фразеологемы, не выводимое из совокупности составляющих ее компонентов: «*an Irish bull*» (очевидный абсурд, нелепость); «*to build castles in Spain*» (строить воздушные замки); понятие чужеродности какой-либо культурной среде и связанные с этим странности в поведении индивида описывает подвергшееся фразеологизации прецедентное высказывание «*He is from Barcelona*» (*from any character on the show Fawlty Towers, used to explain waiter Manuel's odd behavior*).

Связь единиц фразеологического фонда с национальной культурой, историей, обычаями прослеживается на примере фразеологем и паремий, содержащих имена собственные. Выбор имени собственного, вовлеченного в процессы метонимизации и фразеологизации, достаточно часто бывает произвольным, что представляет определенные трудности в воссоздании некоей совокупности знаний о некотором объекте или явлении: «*Johnny – come lately*» (так называют сотрудников, пришедших в коллектив позже, не с момента его образования); «*to rob Peter to pay Paul*» – (взять у одного, отдать другому); «*every Tom, Dick and Harry*» – чернорабочие, неквалифицированные рабочие (иногда значение «всякие там», «сброд»: «*every Tom, Dick, and Harry. Also, every mother's son; every man Jack. Everyone, all ordinary individuals, as in "This model should appeal to every Tom, Dick, and Harry"*» [АНДИ, 1997 : 191].

В русском и американском фразеологическом фондах отмечаются единицы с именами собственными неясной историко-этимологической интерпретации: «*a Jack of all trades*» (мастер на все руки); «*to be happy as a Larry*» (быть очень счастливым); «*Федом, да не тот*»; «*a smart Alec*» (всезнайка, человек с высоким самомнением): «*smart Alec – an impudent or obnoxiously self-assertive individual, a wise guy...*» [АНДИ, 1997 : 593]. Метафоризация имени собственного, заключенного во фразеологическую единицу, и выделение одного из его

признаков позволяет говорить о нем как о своеобразном вербальном экспликаторе прецедентного феномена: «*Murphy's Law*» (закон подлости); «*Hobson's choice*» (вынужденный выбор); «*the real Melroy*» (что-то настоящее). Многие русские фразеологемы восходят к фольклору, например: «по Сеньке шапка», «показать Кузькину мать», «наготовить на Маланьину свадьбу», «Куда Макара телят не гонял» [ФРР, 2001 : 389]. Во всех вышеописанных случаях имя собственное, становящееся производящей основой фразеологемы, представляет собой концепт, т.е. информационную структуру, дешифровка которой не представляет труда для носителя языка, но становится непреодолимым препятствием в процессе создания адекватного образа для представителей иной этнолингвокультуры.

В шестом параграфе «Вербальные и вербализуемые прецедентные феномены» рассматриваются данные лингвистические явления как отдельный вид лингвокультурного типа, которые представляют собой продукты познавательной деятельности членов определенной этнолингвокультуры, принадлежащие их национальной когнитивной базе. Отнесение семиотических экспликаторов прецедентного имени к ЭКМЯС лингвокультурного типа правомерно, поскольку имя собственное выступает концентратом культурной информации вследствие своей генетической неразрывности с текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенных качеств. При сопоставлении корпуса антропонимов в русской и американской этнолингвокультурах констатируется факт большей связи архетипического характера русских фольклорных собственных имен с национальными мифологическими и былинными образами. При обращении к любому прецедентному имени можно заметить, что метонимический перенос осуществляется с учетом номинации по признакам или атрибутам означаемого прецедентного имени и апеллирование происходит не к денотату, а к дифференциальным признакам и атрибутам: «*The new Johnny Appleseed: Ronald McDonald. Trying to overcome its junk food image, McDonald's is buying more apples than any other U.S. restaurant chain*» [The New York Times, 25.03. 2005]. Этимологически структуры прецедентного имени могут быть охарактеризованы как первично-производной и вторично-производной номинации: «*The historian R. Arsenault chooses a very interesting approach for his analysis of the «Americanization of Dixie» when he looks at the air conditioner as one of the important factors involved*» [Fiedler, Jansen, Norman-Risch, 2004 : 49].

Прецедентное высказывание понимается как феномен собственно лингвистической природы, возникающей в результате текстовой редукции, где текст – продуцент прецедентного высказывания – может быть представлен в анонимно-дискурсивно-ситуативной или авторско-текстовой форме: «*There was only one catch and that was catch-22, which specified that a concern for one's own safety in the face of danger that were real and immediate was the process of a rational mind*» [Heller, 1961 : 46]. После появления романа слово – прецедентное высказывание – «Catch-22» было незамедлительно запротоколировано не только в англоязычных словарях (см., например: [ODQ, 1999], [ODPSQ, 2002], [ResQ, 1989]), но и в монолингвальных и билингвальных фразеологических словарях [АРСНУФВ, 2001 : 8].

Наряду с таксономией по системно-функциональному аспекту предлагается классификация по типу информационно-генерирующих структур прецедентных высказываний, где выделяются шесть источников: 1) тексты мировой художественной литературы («*Tell me about the rabbits again, George!*» [Steinbeck, 2002]); 2) тексты национальной художественной литературы («*Toto, I've a feeling we're not in Kansas anymore*» [Baum, 2000]); 3) высказывания известных людей («*Let's roll*» – phrase used by George W. Bush and others to signify American determination in the months after 9/11»); 4) тексты рекламы («*I can't believe, I ate the whole thing*» (from US television advertisements for Alka-Seltzer); 5) кинематографические произведения («*Godfather*»: «*I'm gonna make him an offer he can't refuse*»; «*Государство кует деньги, не отходя от кассы: Контрольно-кассовые машины (ККМ) – неперемный атрибут практически любого приличного магазина*» [Экономический еженедельник. № 46. 11.2001]); 6) ТВ сериалы («*Star Trek*»: «*You will be assimilated*» (The Borg), «*The Simpsons*»: «*Don't have a cow, man!*» (Bart Simpson)) etc.

В седьмом параграфе «Целостный текстовый отрезок как способ фиксации национально-культурной специфики» обосновываются следующие основания отнесения текстового отрезка к ЭКМЯС лингвокультурного типа: 1) существование инвариантов восприятия прецедентных текстов, хранящихся в когнитивной базе, как феноменов, знание которых объединяет представителей одного лингвокультурного сообщества; 2) зафиксированность национально-культурных ценностей в различного рода текстах (художественном, массмедийном); 3) национально-культурная детерминированность структур, наполняющих узлы (слоты) текстовых фреймов; 4) возможное инкорпорирование в его структуре языковых явлений, каждое из которых представляет собой особый вид ЭКМЯС лингвокультурного типа.

В главе IV «Этнокультурные маркеры языкового сознания лингвоэкологического типа» анализируются происходящие во внелингвистической сфере изменения, которые материализованы в вербальных формах. В первом параграфе «Языковые маркеры национально-культурного сознания как репрезентанты современного транснационального процесса ноологизации» дается определение ЭКМЯС лингвоэкологического типа, представлена классификация неологизмов как результата пенетрации и дисбаланса устоявшихся форм языковых сущностей.

К ЭКМЯС лингвоэкологического типа относим репрезентирующие образы национально-культурного сознания языковые явления, возникновение которых обусловлено переменами, происходящими в языке, как реакцией на изменения в их внелингвистической экологии и диалоговое взаимодействие этнокультур. ЭКМЯС лингвоэкологического типа объективируют кванты культурнообусловленных знаний, формирующих унификационные, интернациональные сегменты национальной когнитивной базы.

Основным принципом лингвоэкологического холизма является принцип сбалансированности компонентов лингвосферического пространства. Нарушение равновесия между такими компонентами лингвосферы, как литературный язык, ненормированная речь, различного рода жаргоны и диалекты, приводит к

изменению конфигурации лингвоэкологической среды. Результаты пенетрации и дисбаланса устоявшихся форм языковых сущностей отражены в неологизмах. Изучение неологизмов как новых единиц номинации эффективно в рамках *когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний*, поскольку она позволяет анализировать не только материальную форму появившейся единицы, но и судить об особенностях процесса познания мира, который происходит в дискурсивной деятельности человека. Как ЭКМЯС лингвоэкологического типа трактуются новые единицы номинации, в которых отражен процесс современного «перекраивания» языковой картины мира и влияние этого процесса на сам способ восприятия мира современным человеком. При анализе ЭКМЯС лингвоэкологического типа мы опираемся на определенные Е.С. Кубряковой основные тенденции ноологизации и современного языкового картирования, базирующиеся на постулате о том, что каждый акт номинации представляет собой акт нового понимания обозначаемой сущности, а «неологизмы фиксируют собой меняющуюся или уже измененную интерпретацию данного нам фрагмента наличного бытия» [Кубрякова, 2004а : 10].

Конструирования реальности становятся все более сложными и многогранными: картирование происходит по принципу выделения доменов и формирования новых денотативных пространств. В транснациональный фонд обозначений входят целые отрасли знаний, таких, например, как «нанотехнологии»: *нанопродукты, наноразмерные устройства, наноструктуры, нанопленки (диодных дисплеев), наноэмульсии и антибактериальные нанопокрывтия, и т.д.* [по материалам CNews Analytics]. Большинство носителей языка вышперечисленные ноологические единицы воспринимаются на определенном временном отрезке как языковые знаки с дефективной денотативной структурой, так как за ними не стоит совокупность перцептивных и концептуальных знаний. Аналогичная ситуация наблюдалась с появлением электронно-вычислительных машин и единиц, номинирующих связанные с ними явления: «файл», «программа», «сайт», «веб», «веб-страница», «интернет», «спам», «сервер», «провайдер» и т.д. и т.п. В настоящее время неологизмы, связанные с компьютерной сферой, из транснационального фонда обозначений переходят в общий национальный фонд, т.е. включаются в ситуации, когда явление не просто называется, но и формируется определенная система знаний о нем: «*President Bush on Wednesday signed a bill authorizing \$ 900 million in grants to spur federal agencies, industry and universities to devote more energy to cybersecurity research*» [The Associated Press, 27.11.2002]. В русской действительности уже существуют явления, номинативно выраженные в американской этнолингвокультуре, – «экзитпол», «праймериз», «advance man» и «advance team»: «*The time of his return had not been made public, so the small airport stood empty and silent save for the “advance team” and a handful of local volunteers*» [СНСЗАЯ, 1993 : 10].

Как вторую тенденцию ноологизации называем возрастание роли и места средств вторичной номинации и постоянные изменения в диапазонах действия отдельных приемов номинации и удельном весе каждого из них в общей массе неологизмов [Кубрякова, 2004а : 12]. В исследованиях, посвященных современному дискурсу, отмечается невиданный рост новых языковых единиц как

продуктов процессов блендинга и контаминации: «*He who koops and runs away lives to koop another day!*» (Bowser коопа in the Super Mario cartoons). Паронимия применяется как прием для образования новых языковых единиц, которые, будучи включенными в языковую структуру, определяют ее узнаваемость и отличие от других языковых структур: «*The Fairly Oddparents Goldfish Bowl Starter Kit powered by Tetra*» [Advertisement of figure toys].

Предельно допустимая семантическая сложность вновь образованных единиц отражает сложность стоящих за ними структур знаний. При этом строй языка предопределяет доминирующий тип ноологического словопроизводства. Аналитизм английского языка обуславливает появление достаточно компактных (по сравнению с русским языком) языковых форм: *online banking, online shopping, online diagnosing, etc.* Отмечаемые исследователями инкорпорирующие признаки у английского глагола позволяют создавать емкие неологизмы типа «to trouble shoot» (исправлять сбои в работе компьютера) или «to blitz out» (уничтожить часть данных в памяти компьютера) [LRNW, 1990].

Усложнение образа мира, репрезентации мира приводят к конденсации информации и увеличению количества продуктов производных компрессионных словообразовательных моделей, т.е. аббревиации в любых ее формах – инициальной, слогоморфемной, акронимах: NA (network address), NC (network control center); delline (delete line) getfree (get disk free) [CCCACO, 2003].

Непосредственным свидетельством эскалации экспрессивности разговорной речи, проникающей и в другие функциональные стили, является распространение такого феномена речи, как языковая игра, что одинаково типично как для современного русского, так и для американского масс-медийного дискурса. При изучении соотношения лингвального и ментального комплексов наибольший интерес вызывают примеры языковой игры, где смысл поверхностной структуры языковой единицы не эквивалентен смыслу ее глубинной структуры, а является результатом инференциальной процедуры, т.е. результатом выводного знания. Для подобных примеров языковой игры одинаково важны вербализованное, т.е. семиотическое оформление сообщения и невербализуемые знания, стоящие за ними. Поэтому для анализа феномена «языковая игра» наиболее эффективной представляется когнитивная парадигма, позволяющая применять такие понятия, как фрейм, скрипт, слот [Лисоченко, 1992].

В лингвистическом фрейме существенным является набор лингвистических знаний, связанных со знанием фонетики, графики, орфографии: «*Variable – Life variables*»; «*Capitalist environmentalist*»; паронимических возможностей языка: «*The New Un-Milosevic*», «*Industrial Evolution*» (по типу «*Industrial Revolution*»); лексической многозначности: «*Плотность жизни*», «*Tomorrowland, Today*»; прагматических компонентов: «*процесс пошел...*». В экстралингвистических фреймах наиболее существенным оказывается вид экстралингвистических знаний различной этимологии: «*The Taming of the Queue*» (The Taming of the Shrew); «*Census and Sensibility*» (Sense and Sensibility); «*America can't keep playing Lone Ranger*» (Lone Ranger) и т.д. и т.п. Не редки апелляции к знаниям прецедентной ситуации: «*И никаких коробок из под ксерокса*». В некоторых случаях вербальные прецедентные феномены сами становятся объектом пери-

фразы, т.е. следствием перекомпоновки терминальных узлов (слотов) в результате комплексного сочетания лингвистического и экстралингвистического фреймов: «*Жилое и думы*» («Былое и думы»); «*Щит и меч*» («Щит и меч») и т.д. Апелляция к знаниям, заключенным в паремиологических единицах, представляет собой комплексный тип экстралингвистического и лингвистического фреймов: «*Living more than money*», «*Her Daddy's Girl*» (о Челси Клинтон, по типу «*Daddy's Boy*» – о Дж.У. Буше) и др.

Неологизмы отражают сложность стоящих за ними структур знаний, определяются лингвоэкологией языка и в свою очередь определяют ее. С другой стороны, лингвоэкологическая ситуация зависит от языковых контактов и, как их следствия, – заимствованных языковых единиц, с появлением которых в этнолингвокультуру привносятся новые информационные структуры или претерпевают видоизменение уже существующие. Поэтому как отдельный вид неологизации, влияющий на специфику лингвосферы языка, выделяем заимствования концептуального, параконцептуального и бесконцептуального вида.

Во втором параграфе «*Концептуальные заимствования как глобализация национальных когнитивных пространств*» выявляются определившиеся в последнее время результаты условий проницаемости сопоставляемых русской и американской этнолингвокультур.

При концептуальном заимствовании в повседневную реальность вводится новое явление, сопровождающееся формированием новой совокупности перцептивных и концептуальных знаний. Результаты концептуального заимствования непосредственно влияют на процессы языкового картирования, так как появляется не только новое означающее, но целая структура нового знания, стоящая за ним: «*Школа страхового бизнеса МГИМО (У) продолжает набор слушателей по программе «Андеррайтер»/«Главный андеррайтер»* [сайт МГИМО, 29.03.2004]. Непрозрачность и немотивированность означающей оболочки новой языковой единицы лишь подчеркивает значимость понятийного аспекта: «*Автодор» обзавелся чир-лидерами в 90-е гг. и с тех пор без них не обходится ни один матч*» [РТР «Вести-Саратов», 2.02.2005]; «*Подобные мероприятия молодежь называет флэш-акциями*» [НТВ «Намедни», 12.04.2004]. Иногда новая информационная структура возникает как ответ на событие, происходящее в окружающей действительности: «*С сегодняшнего дня службам безопасности авиалиний разрешено проводить профайлинг*» [ОРТ «Новости», 4.03.2005]. Процесс глобализации концептуальных пространств настолько стремителен, что явления, появляющиеся в одной лингвокультуре, незамедлительно становятся достоянием других культур: «*В Москве состоялась X Международная фитнес-конвенция*» [НТВ «Новости», 23.03.2004]; «*Промоутером турнира по кик-боксингу выступила фирма N.*» [РТР «Вести-Саратов», 9.03.2004].

За концептуальным заимствованием может стоять сложный культурно-аксиологический феномен, который не имеет пока в принимающей этнолингвокультуре четкого понимания обозначаемой сущности и общепринятой, закрепленной за ним номинативной структуры. Примером такого феномена, по нашему мнению, может служить концепт «политическая корректность».

В третьем параграфе «Параконцептуальные заимствования. Интернационализация аксиологической составляющей и аксиологических концептов» изучаются интернационализованные сложившиеся представления, структуры знаний, модели мира, влияющие на языковое картирование в плане ревизии ценностно-оценочного комплекса, имеющего вербальную представленность в сочетаемостных паттернах, а также прескрипциях и предписаниях, репрезентируемых в единицах паремиологического фонда языка.

При параконцептуальном заимствовании в национальное когнитивное пространство либо привносится новая аксиологическая маркированность в уже существующую информационную структуру, либо происходит изменение ценностной значимости существующих информационных структур, а значит, и переоценка определенного явления. Таким образом, интернационализируются сложившиеся представления, структуры знаний, модели мира. Процессы транснационализации способствуют переакцентировке и перенюансировке в аксиологическом сегменте языковой картины мира и, соответственно, в аксиологических концептосферах и аксиологических концептах. При параконцептуальном заимствовании мы имеем дело с адаптацией новых оценочных структур знаний, отражающих определенные ценности и таким образом модифицирующих аксиологические конфигурации лингвокультуры-акцептора. Глобализация в таком случае затрагивает аксиологические составляющие картин мира, аксиологические концепты и образуемые ими аксиологические концептосферы, а также прескрипции, выраженные в единицах паремиологического фонда языка. Транснациональные признаки отмечаются и у вербальных и вербализуемых прецедентных феноменов: «*Перед тем как камни станут друзьями девушек, ими займутся серьезные мужчины*» [НТВ, 28.06.2005.] (репортаж с открытия компании «Североалмаз»). Прозрачна ссылка на «*Diamond is the best girl's friend*».

В четвертом параграфе «Бесконцептуальное заимствование как семиотическая редупликация существующих языковых форм» представлены примеры бесконцептуальных заимствований в русской и американской лингвокультурах. Бесконцептуальное заимствование не сопровождается привнесением новой информационной структуры, поэтому такого рода концептуальное импортирование определяется как нулевое или пустое: *диктейшн (dictation)*, *гуд (good)*, *герла (girl)*; *войс (voice)*; *вин (vip)*; *вайн-шоп (wine shop)*; *бэд (bad)* и т.д. и т.п. [МСТС, 2003]. В некоторых случаях заимствования языковая единица приобретает дополнительное значение, приписываемое ей только данной системой подъязыка: «*Джус, - а, м. Хороший знакомый, приятель. С каким это джусом ты разговаривал? – Какой там джус! Полтинник он мне должен. < От англ. juice – «сок»* [МСТС, 2003 : 155]. Нередко заимствованные единицы (это верно по отношению как к концептуальному, так и бесконцептуальному заимствованию), интегрируясь в словообразовательные процессы, приобретают грамматические показатели, характерные для их языковой системы: *ангрейдить, аржаной, джобать, гейма, геймер, виндоузы, бэднутый* [МСТС, 2003].

Процесс концептуального и бесконцептуального заимствования в русский язык из американской лингвокультуры, происходящий в русскоязычной

среде, не идентичен аналогичному процессу, происходящему в среде русскоязычных эмигрантов, «погруженных» непосредственно в донорную лингвокультуру: «*Я живу во Франклин каунти*»; «*Сколько стоит этот донат (бейгл)?*» Бесконцептуальное заимствование может быть эксплицировано не только отдельной языковой единицей, но и словосочетаниями, одним из видов которых выступают устойчивые ритуальные формулы: «*Доброе время суток!*» «*Приятных выходных! Берегите себя!*» (калька с: *Have a nice weekend! Take care!*) и т.д. «*Приветствуется опыт работы в данной сфере и умение пользоваться компьютером*» (калька с “ *is encouraged*”). Словосочетание «поднимать тему», оформленное по образцу: «*to raise the issue*», стало привычным и общеупотребимым: «*В Петербурге также будет подниматься тема выплаты дополнительной прибавки к пенсии блокадникам*» [радио Маяк, 21.01.2004].

Следствием бесконцептуального заимствования не является появление нового понятия и новой структуры знаний, стоящей за ним. Но его включение в типологию ЭКМЯС лингвоэкологического типа вполне обосновано, так как оно отражает этнокультурные особенности языковой личности, специфику конфигурации лингвосферы и информативно с точки зрения протекания процесса МКО.

В главе V «**Экспериментальное изучение национально-культурных особенностей языкового сознания**» предлагается экспериментальная методика исследования различных типов ЭКМЯС, таксономия которых была разработана при изучении текстовых и лексикографических источников.

В первом параграфе «*Этничность языковой личности по данным психолингвистического ассоциативного эксперимента*» обсуждаются различные методики составления этнических портретов с использованием разнообразных приемов психолингвистического анализа семантики: I. *Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ)*; II. *Направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ)*; III. *Исследование ассоциативных норм (ИАН)*; IV. *Ассоциативные исследования прецедентных феноменов (АИПФ)*, включенных в структуры сознания.

Во втором параграфе «*Возможности экспериментального ассоциативного исследования этнокультурных маркеров языкового сознания*» непосредственно обсуждаются результаты проведенных экспериментальных исследований, направленные на выявление образов сознания представителей различных этнолингвокультур, основанные на анализе словесных ассоциаций испытуемых. Реакции, получаемые на конкретное слово-стимул, обусловлены спецификой языкового сознания и отражают его национально-культурный компонент. Сумма реакций позволяет построить некое ассоциативное поле того или иного этноса и реконструировать фрагмент образа мира этого этноса.

В качестве **основного метода** исследования определенного набора языковых средств, объективирующих образы языкового сознания, принимается свободный ассоциативный эксперимент. Процесс ассоциирования представляет собой попытку представления ментальной информации в вербальной форме, т.е. в форме совокупности ассоциатов, изучение которых позволяет строить гипотетические модели и предположения о совокупности определенным образом

структурированных концептуальных и перцептивных знаний об объекте реального мира.

Целью эксперимента является подтверждение **гипотезы** о проявлении национально-культурной специфики языкового сознания в вербализованных формах. В конфигурациях ассоциатов обнаруживаются кинесико-проксемные, нумерологические, колоремные, аксиологические, прецедентные и другие подблоки, отражающие соответствующие сегменты языковых картин мира. Контрастивный анализ коррелятивных групп наиболее частотных ассоциатов позволяет выявить зоны сходств и различий в существующих совокупностях перцептивных и концептуальных знаний об одинаковых объектах реального мира у представителей различных лингвокультур. Наше исследование направлено на изучение национально-культурной специфики языкового сознания, а единственно валидным способом на настоящий момент остается анализ ассоциативного поля как конечного продукта ассоциативного эксперимента.

В качестве **экспериментального материала** предлагаются шесть кластеров, объединяющих лексические единицы, являющиеся одинаковыми частями речи. В первый кластер входят слова, отвечающие критериям «лексических универсалий» и «компонентов ядра языкового сознания»: «я», «человек», «думать», «хороший», «плохой». Вторым кластером образуют лексемы с тождественными денотатами, характеризующимися национально-культурно маркированной коннотацией: «деньги», «дом», «работа», «время», «семья». Третьим кластером являются «интернационализмы» со сходными десигнатами и в некоторой степени сопоставимыми денотатами: «президент», «конституция», «фермер», «бизнесмен», «интернет». В четвертый кластер сгруппированы слова-гиперонимы, исследование которых призвано продемонстрировать национально-культурную специфику образуемыми ими лексико-семантическими полями: «транспорт», «путешествие», «почта», «покупки», «личные документы». В пятый кластер заключены русские реалии – лексические единицы, односторонне лакунизированные для представителей американской культуры: «окрошка», «квас», «оливье», «вобла», «сушки». Шестым кластером образуют американские реалии – лексические единицы, односторонне лакунизированные для представителей русской культуры: «маффин», «(груви)грейви», «тако», «бейгл», «донатс». Предполагается различная степень национальной маркированности языковой единицы с переменным коэффициентом национально-культурной детерминированности. Вероятно, слова-реакции, полученные на слова-стимулы из первого кластера, будут обнаруживать большее количество совпадений в ответах и большую степень конгруэнтности ассоциативных полей (независимо от группы испытуемых), чем слова-реакции на слова-стимулы из других кластеров, что может подтвердить факт существования семантических универсалий. Ответы, полученные на слова-стимулы из второго, третьего и четвертого кластеров, будут характеризоваться более очевидной национально-культурной семантикой, а анализ реакций на слова-стимулы из пятого и шестого кластеров должен продемонстрировать наибольшую степень национально-культурной отмеченности существующих образов сознания.

Характеристика информантов. Представленная подробная характеристика испытуемых имеет целью засвидетельствовать внешнюю валидность [Готтсданкер, 1982] полученных показателей. Количественные и качественные стратегии отбора респондентов позволяют надеяться, что такие экстралингвистические факторы, как пол, возраст, образование, особенности личности и профессиональный опыт испытуемого, не оказывают существенного влияния на среднестатистическую величину ассоциативных реакций, а достаточно высокое число участников эксперимента позволяет элиминировать влияние на окончательный результат гендерных, возрастных и географических факторов.

Гендерные показатели. Средний возраст русскоязычных испытуемых: мужчины – 27,3 женщины – 31,5; средний возраст информантов - квазибилингвов: мужчины – 30,8; женщины – 34,9; средний возраст американских испытуемых: мужчины – 36,7; женщины – 33,6.

Профессиональные показатели. *Род деятельности респондентов:* *мужчины* – преподаватель вуза, businessman, экономист, student-engineer, engineer, менеджер, переводчик, маркетолог, врач, научный работник, undergrad, waiter, bartender, museum staff, , psychologist (counselor), graduate program associate, computer tech, retired, professor, economist, financial advisor и др., *женщины* – преподаватель вуза, преподаватель англ.языка, teacher, библиотекарь, специалист по рекламе, филолог, PhD student abroad, юрист, переводчик, врач, бухгалтер, PR-менеджер, senior teacher, руководитель НКО, программист, дизайнер, massage therapist and yoga, seamstress, English teacher, professor, retired, computational linguist, technician, consultant, bartender, nurse, homemaker, counselor, health program manager, marketing manager, etc.

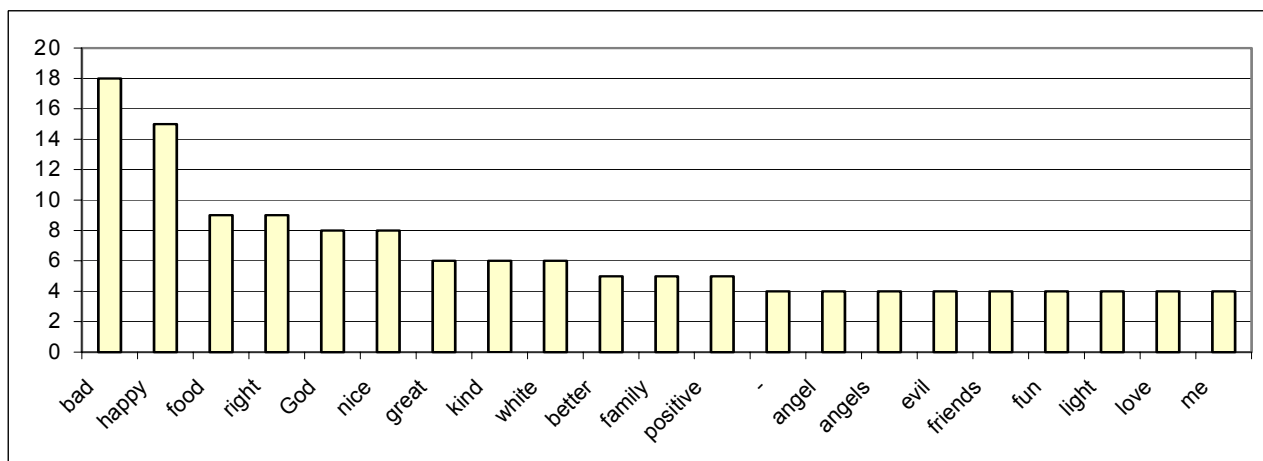
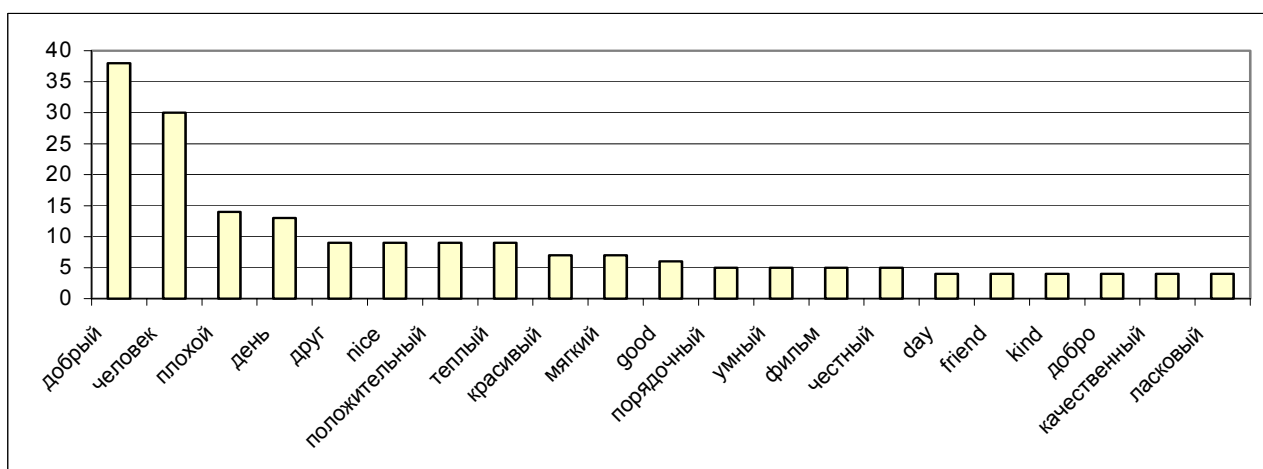
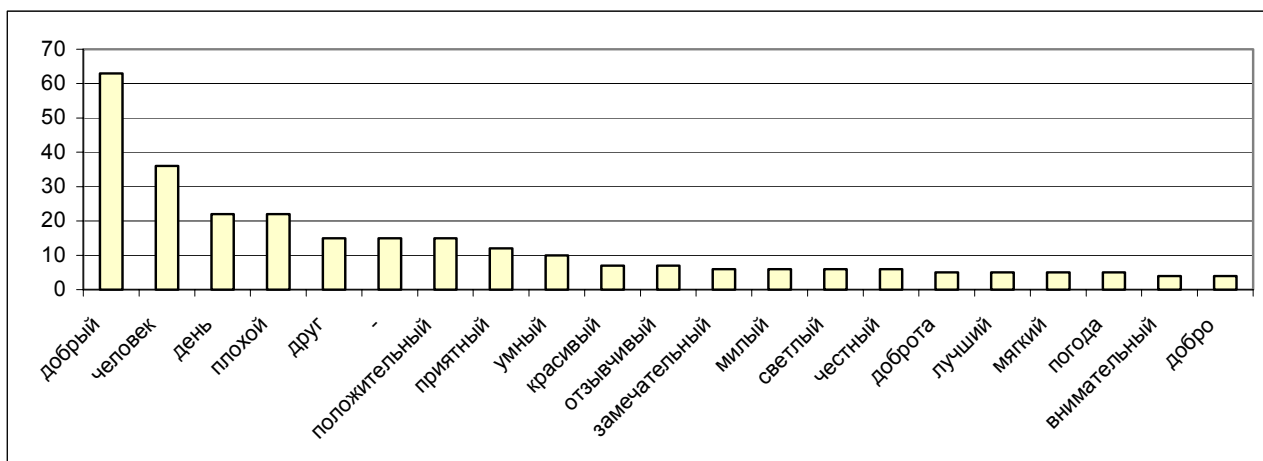
Место жительства информантов: *русских* – Саратов, Москва, Казань, Волгоград, Пятигорск, Ставрополь, Ростов-на-Дону, С.-Петербург, Краснодар, Барнаул и др., *квазибилингвов* – Саратов, Москва, Казань, Волгоград, С.-Петербург, Омск, Пермь, Пятигорск, Ставрополь, Барнаул, Тверь, Краснодар, Ростов-на-Дону, Chapel Hill, Kansas, Washington, New York, Boston, Seattle, Portland, Indianapolis, Chicago, Minneapolis, Memphis, etc., *американских респондентов* – Indianapolis, Kansas, Chapel Hill, Seattle, Boston, Washington, D.C., Portland, etc.

Общая характеристика респондентов – участников ассоциативного эксперимента

I группа (русск.)		II группа (квазибилингв.)		III группа (Америк.)	
мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
120	165	87	144	124	123
285 человек		231 человек		247 человек	
763 человек					

Пример сопоставительного топа 20-ти частотных ассоциатов:

1.4. ХОРОШИЙ

Числовые характеристики полученных ассоциативных полей свидетельствуют о соблюдении пропорций «золотого сечения» (Ю.Н. Караулов), при котором оптимальным количественным составом поля как единицы владения языком считается число реакций в пределах 400-500 единиц. Заметим, что в нашем случае данные показатели варьируются в пределах 400-600 единиц, что позволяет говорить об определенной репрезентативности полученных данных. От 763 респондентов нами было получено 38 317 реакционных ответов, из чего следует, что показатель среднего количества реакций на одно слово-стимул со-

ставляет 1,78. Причем, реакция может быть представлена как одной словоформой, (например: я (стимул) – личность, человек, индивидуальность), так и целым текстовым отрезком: я (стимул) – «*Два человека, один живет в России, другой – в США, а кто-то третий постоянно пытается их примирить, уговорить, чтобы в США она не показывала свою российскую душу, а здесь – не вела себя как американка*». То, что реакция в виде целостного текстового отрезка – явление вненациональное, демонстрируют ответы американских информантов. Так, например, на слово-стимул «good» мы получили комментарий, подтверждающий правомерность отнесения нами прилагательного «хороший» к первому кластеру, где были собраны слова, относимые к разряду семантических универсалий: «*the philosopher G. E. Moore, who argues that the word “good” cannot be defined just as the word “yellow” cannot be defined*». Или на слово-стимул «family» – «*the more precious as one gets older, especially one’s children and grandchildren, and the all dim recollection of our deceased parents and grandparents*». Статистические показатели по количеству словоформ: в первой группе – 15 773, во второй группе – 17 143, в третьей группе 18550, **итого – 51 466**.

Общие показатели числовых характеристик ассоциативного эксперимента

	Общее число ассоциативных реакций	Общее количество ассоциатов	Число повторяющихся реакций	Число повторяющихся ассоциатов	Единичные реакции (ассоциаты)	Количество отказов
I. Группа испытуемых. Представители русской этнолингвокультуры	15242	5809	10993	1560	4249	751
II. Группа испытуемых Квазибилингвы	12068 (1925)	6181	7231	1344	4837	69
III. Группа испытуемых Представители американской этнолингвокультуры	11007	5747	6390	1130	4617	382
Итого:	38317 (1925)	17737	24614	4034	13703	1202

Подходы к исчислению репрезентативности полученных данных.

При наличии шести видов данных по ассоциативному эксперименту, а именно: общего числа ассоциативных реакций, общего количества ассоциатов, числа повторяющихся реакций, числа повторяющихся ассоциатов, числа единичных реакций (ассоциатов) – предлагается следующий подход к представлению репрезентативности данных. Во-первых, нахождение показателя относительной величины разницы между группами, или меры различия между группами – t с применением статистики Стьюдента, которая дает возможность привести к одинаковым величинам разнородные значения:

$$t = \frac{\bar{X}_1 - \bar{X}_2}{\sqrt{\frac{S_1^2}{n_1} + \frac{S_2^2}{n_2}}},$$

при $t < 1,84$ разница между группами несущественная, позволяющая говорить об их сопоставимости. Во-вторых, исчисление показателя вероятности ошибки – α . Общепринятым показателем ошибок считается значение α менее 0,5, тогда при большинстве значений, проходящих на уровне значимости 0,01, показатели считаются репрезентативными, где "df" – число степеней свободы, "alpha" – уровень значимости, т.е. вероятность того, что при имеющемся значении t предположение о равенстве $\bar{X}_1 = \bar{X}_2$ ошибочно. Число степеней свободы вычисляется по одной из следующих двух формул:

$$df = \frac{\left(\frac{S_1^2}{n_1} + \frac{S_2^2}{n_2}\right)^2}{\frac{\left(\frac{S_1^2}{n_1}\right)^2}{n_1 + 1} + \frac{\left(\frac{S_2^2}{n_2}\right)^2}{n_2 + 1}} - 2; \quad df_1 = \frac{\left(\frac{S_1^2}{n_1} + \frac{S_2^2}{n_2}\right)^2}{\frac{\left(\frac{S_1^2}{n_1}\right)^2}{n_1 - 1} + \frac{\left(\frac{S_2^2}{n_2}\right)^2}{n_2 - 1}}$$

Подчеркнем, что при данном подходе сравнению подвергается не семантическая составляющая данных, что будет сделано при сопоставлении гистограмм (топов 20-ти), а валидность полученных в результате эксперимента числовых показателей.

В данном параграфе представлен полный контрастивный анализ содержания всех шести кластеров, но в реферируемом издании предлагаем **примеры описания пятого и шестого кластеров**. В пятом и шестом кластере, где слова-стимулы представляют собой односторонне лакунизированные реалии, наблюдаются следующие основные стратегии ассоциативного реагирования. Во-первых, отказ в предоставлении ассоциата, который оформляется различными формами. Незнакомое слово-стимул может породить семантически «пустой» ассоциат, оформленный по звуковому подобию стимула, например «маффин» – «параин», но следует отметить, что происходит это достаточно редко. Как правило, ассоциативная реакция представляет собой сходное по звучанию со стимулом языковую единицу: например, стимул «донатс» у русскоязычных испытуемых вызвал ассоциативные реакции Дантес (13), Макдональдс (11), дантист

(10), Донатас Банионис (10), донор (6), Дональд (6) и т.д. и т.п. Отмечаются ассоциаты, экспликаты которых репрезентируют результаты вторичного ассоциирования, например, на слово-стимул «донатс» зарегистрированы ассоциативные реакции «Паневежисский театр», «Прибалтика», «Прибалт», «Латвия», «фильм», «телевидение». Действие механизма ассоциирования по сходному звукосочетанию универсально. Американские респонденты на слово «okroshka» представили реакции: okra (20), Osh Kosh (10), Oklahoma (6), B-gosh (2). Часть ассоциативного эксперимента проводилась на базе университета Индианаполиса (Indiana University, Purdue University, Indianapolis), в рамках курса «Introduction into Communication Studies». Обратившись к американским информантам за разъяснением их ассоциативных мотивов, мы получили следующие комментарии: «*Oshkosh B'Gosh is the name of a children's clothing line*»; «*okra* – is short for «okroshka»; «*kvas*» sounds like «vase» or «canvas». «*For «olivie» it is reasonable to take out the second «i» and make it «olive», or add «r» and your connection is «olivdar» what means in Spanish «to forget».* «*Olivie*» reminds of food like «olive oil» and «pasta». For «vobla» when you use «word association» you get «vodka», or «volume», or «Volvo», etc. Результатом ассоциирования по сходному звукосочетанию выступают осознанные или неосознанные словозвучия [Караулов, 2002 : 94], в которых проявляются креативные моменты порождения реакционного высказывания. Еще одним показателем универсальной природы креативности ассоциативного процесса могут быть реакции типа: «*Человек звучит одиноко, вот когда «люди!» как-то живенько...*», «*Man is a being darkly wise and rudely great*» и т.д.

Ассоциативные реакции русскоязычных информантов на слово-стимул, в качестве которого выступает русская реалия, разнообразны, личностно окрашены и атрибутивно-уточнительны, что и является показателями предельной степени национальной маркированности этих единиц: «оливье» – салат (141), Новый год (48), праздник (46), майонез (29), зеленый горошек (27), вкусно (8), гости (6), зима (9) и т.д. Аналогичный формат реакций наблюдается у американских испытуемых относительно знакомого объекта: «bagel» – cream cheese (52), breakfast (32), chewy (8), bread (5), good (5), Jewish (5) (ассоциативная реакция становится понятной при обращении к истории реалии), toaster (5), butter (4), healthy (4), yummy (4), bakery (3), etc.

Интеркультурный характер этноязыкового сознания вторичных языковых личностей, которые представлены группой квазибилингвов, иллюстрируют ассоциативные реакции на слова-стимулы, являющие собой русские и американские реалии, собранные в пятом и шестом кластерах. Как и предполагалось, ассоциативные реакции I и II групп испытуемых¹, полученные на слова-стимулы, представляющие собой русские реалии, обнаруживают обширные зоны полных и аналоговых совпадений. При анализе ассоциативных реакций квазибилингвов на слова-стимулы, содержащиеся в шестом кластере и представляющие собой американские реалии, становится заметной их абсолютная конгруэнтность ас-

---

¹ Здесь и далее римские цифры I, II, III обозначают соответственно русскоязычную группу испытуемых, квазибилингвов и представителей американской этнолингвокультуры.

социативным реакциям американских респондентов. Так, среди зон полных совпадений, во-первых, отмечается ассоциат «Taco Bell», который представляют собой сеть ресторанов быстрого питания – «eat-in and drive through» – (как МакДональдс), только «Taco Bell» – это сеть ресторанов мексиканской кухни, которые имеются по всей Америке и очень популярны среди тех, кто любит мексиканскую еду. И в реакциях американцев, и в реакциях квазибилингвов фиксируется ассоциат-атрибут «blueberry» – ягода, входящая в стандартный набор *raspberry, strawberry and blueberry all the year round*. «Cream cheese» и «cream cheese cake» также представляют собой исконно американские реалии. Вышеотмеченные факты еще раз подтверждают компилятивный характер образов, бытующих в сознании квазибилингвов.

Нельзя не отметить ассоциативные реакции-цветонаименования, зафиксированные в ответах всех трех групп испытуемых. В ассоциатах-цветонаименованиях может быть представлена колоремная характеристика образа, связанная с его символическим началом. Например, слово-стимул «хороший» 6% русскоязычных респондентов и 4% квазибилингвов ассоциировали с хромономом «светлый», тогда как реакциями на стимул «плохой» стали: черный (I – 10; II – 8), темный (II – 5), dark (III – 8); black (III – 6). В ассоциатах-цветонаименованиях могут быть отражены спектральные характеристики, связанные с образом объекта или явления, который называется словом-стимулом и которые специфичны для каждой этнолингвокультуры. Например, стимул «деньги» (money) предопределил ассоциативное реагирование «green» – самое частотное среди американских респондентов (29). Меньше количество реакций, но, тем не менее, такие есть, фиксируются в ответах испытуемых-квазибилингвов (8). Русскоязычные информанты предоставили также спектральные ассоциаты на стимул «деньги» – зелень (4), зеленый (3). Слово-стимул «дом» ассоциируется у американцев с белым цветом (white – 6), чему способствует культурная предопределенность образа американского дома. Стимул «конституция» у русскоязычных респондентов и респондентов-квазибилингвов провоцирует появление цветонаименования «красный»: красный (II – 4), красная книжечка (II – 3); красный (ая) книга (I – 3). Слово-стимул «почта» русскоязычные информанты и квазибилингвы единодушно «окрашивают» в синий цвет: синий ящик (II – 4), синий (I – 2). Спектральной характеристикой слова-стимула «квас» является хромономом «желтый», по цвету денотата «yellow tank» (III – 1), «желтая бочка» (I – 8). Как указание на процессы метафоризации цветонаименований могут рассматриваться реакции «redneck» или «pink» (хороший). Наконец, ассоциативные реакции-цветонаименования могут быть результатом действия механизма синестезии как «ненамеренного физического опыта межчувственной ассоциации» [Cytowic, 2002]. Сочетание «(груви) грейви» вызывает устойчивую цветовую ассоциацию «зеленый» (I – 4), (II – 3). В ассоциативном поле на данный стимул квазибилингвами предоставлены спектральные ассоциаты: «желтый» (1), «зелено-коричневый» (1), «серое(ый)» (2). Звукосочетание «бейгл» у русскоязычных информантов ассоциируется с черным цветом (2). «Тако» провоцирует появление таких цветовых ассоциативных реакций, как «желто-белый» (I – 1), «красный» (I – 1), «зеленый» (II – 2). В

задачи данного психолингвистического эксперимента не входила проверка действия механизма цвето-звуко-образной символизации, поэтому колоремно окрашенные ассоциативные реакции рассматриваются как имеющие окказионально-индивидуальный характер. Но, вероятно, даже эти немногочисленные примеры могут свидетельствовать о существовании национальной специфики цветолексемной ассоциативности.

Значимость соответствующей профессиональной сферы показательна в том, что узкоспециальные образы зафиксированы в ядре языкового сознания испытуемого и извлекаются оттуда при ассоциативном реагировании в виде вербализуемых ассоциатов. Так, у группы русскоязычных испытуемых, курсантов военного вуза, стимул «я» вызывал наиболее частотные ассоциативные реакции «вечерняя проверка», «вечерняя поверка», т.е. образ процедуры, во время которой откликом на называемую фамилию является многократно повторяемое «я». У респондентов-врачей стимул «человек» провоцирует появление реакции «живой», т.е. эксплицируются элементы сложившейся синтагматической связи «живой – мертвый», «человек – труп». У программистов достаточно прогнозируемым реагированием на слово-стимул «плохой» выступает выстроенная по парадигматической схеме реакция «вирус» и т.д. и т.п.

О том, что ассоциативное поле является фиксацией прескрипций, выработанных языковым этносом, свидетельствуют реакции в виде паремий, фразеологизмов или их индивидуализировано оформленных отрывков. Так, слово-стимул «работа» в группе русскоязычных информантов спровоцировало появление таких реакций, как: «и труд, все перетрут», «деньги», «кони», «непыльная», «нечто, чем надо заниматься не из-под палки, а от души», «волк» и т.д. Для сравнения: в группе квазибилингвов были запротоколированы такие реакции, как: «money», «деньги», «не волк», «в лес не убежит, хотя работать приходится постоянно», «не может быть смыслом жизни» и т.д. А вот в группе американских респондентов аналогичные реакции практически не отмечаются, что, вероятно, позволяет говорить о большей архетипичности и автохтонности бытующих в русском сознании образов.

Данные, полученные при проведении ассоциативного эксперимента, позволили составить Ассоциативные рейтинговые словники представителей русской и американской культур, а также квазибилингвов. Анализ материалов словника может предоставить информацию о специфике различных фрейм-структур. На материале ассоциативных реакций на слово-стимул «constitution» рассмотрим ассоциативные реакции американских респондентов, в основе которых лежат различные фрейм-структуры. Реакция «freedom» является для представителей американского лингвокультурного сообщества не только базовой ценностью, но и основной идеей американской конституции. «Foundation» связано с «Founding Fathers», «fore-fathers» (создатели конституции). В ассоциативном поле, образованном ассоциатами на стимул «constitution», отмечаются реакции – прецедентные имена: «Thomas Jefferson», «Abraham Lincoln», «John Hancock», прецедентные высказывания: «*We the people*», «*an agreement by which we govern ourselves, and disallow our governance by tyrants*». В качестве ассоциатов отмечаются вербализаторы – топонимы прецедентных ситуаций:

«school house Rock», «Washington». А также многочисленные атрибуты: «large wooden Ship», «amendments», «American flag», «bill», «White House». В любом ассоциативном поле можно обнаружить в качестве ассоциативных реакций вербальные прецедентные феномены и языковые единицы, эксплицирующие вербализуемые прецедентные феномены, что может служить доказательством организации языкового сознания как набора фрейм-структур. Реакция «гордо» (I – 4) на слово-стимул «я» означает свернутый прецедентный текст – «Человек – это звучит гордо». Имя собственное «Adam» (как достаточно частотная реакция американских информантов на стимул «человек») является вербальной формой прецедентной ситуации и прецедентного текста (Библейская притча). Реакция «обезьяна» (I – 5) на слово-стимул «человек» отсылает к прецедентной ситуации «человек произошел от обезьяны», реакция «не пахнут» (II – 8) на стимул «деньги» отсылает к прецедентному высказыванию «деньги не пахнут», реакция «крепость» на слово-стимул «дом» (I – 13) кодирует прецедентную ситуацию и прецедентное высказывание «мой дом – моя крепость». Русские респонденты на слово стимул «сушки» представили ассоциаты «Саша» (3) и «шоссе» (3), апеллирующие к известной скороговорке.

Среди реакций отмечается достаточно высокий процент ассоциатов, представленных прецедентными именами, во всех трех группах испытуемых. Например, в третьей группе: «man» – *Adam, Jesus Christ, Biblical David*; «think» – *Descartes, Rodin*; «good» – *Jesus Christ*; «bad» – *Nazis*; «money» – *George Washington, Pink Floyd, Stephen Hawking*; «president» – *Monika Lewinsky*; «constitution» – *Abraham Lincoln, Ben Franklin, John Hancock*; «businessman» – *Bill Gates*; «internet» – *Bill Gates*; «okroshka» – *Hiroshima*; «vobla» – *Volvo, Astrahan*; «gravy» – *Austin Powers and Charlie Brown*; «donuts» – *Homer Simpson, Tim Horton*.

Помимо прецедентных имен фиксируются и более сложные репрезентанты фрейм-структур, например, реакция «Сальвадор Дали» на слово-стимул «время» или «Гора Роден» на слово стимул «человек», которые предполагают знание составляющих особого культурно-знакового кода. Привлекают внимание ассоциаты – ситуативные топонимы, такие, как «Франция», на слово-стимул «оливье» или «Jewish» на слово-стимул «bagel», которые свидетельствуют о сложности и исконности фрейма. Подобные ассоциаты вербализуют глубинную совокупность знаний об объекте, связанную с его этимологией.

Для сопоставления отдельных или выборочных ассоциативных реакций испытуемых, представителей различных культур, обращаются к лексикографическим источникам, таким, как Ассоциативный тезаурус русского языка [АТ – 1-4, 1994 -1996], Ассоциативный тезаурус английского языка [АТhЕ, 1972] или словарь Дж. Диза [SALT, 1965], которые репрезентируют английскую, но не американскую культуру. В нашей работе, хотя на небольшом объеме, но *впервые* представлен анализ ассоциатов русскоязычных испытуемых, квазибилингвов и представителей американской культуры, что определяет новизну подхода и перспективы дальнейшей работы с Ассоциативным рейтинговым словником, а содержащиеся в словнике ассоциаты подтверждают положение о том,

что «все реакции несут на себе печать национального (языкового) сознания» [Красных, 1998 : 262].

В заключении диссертации подводятся **итоги** исследования:

Языковое сознание, как культурнообусловленный феномен, интегрирует знания о культурных предметах, правилах и нормах коммуникативного поведения. Тогда большая степень идентичности языковых сознаний коммуникантов является залогом успешности МКК. Под этноязыковым сознанием подразумевается культурно обусловленный ин/вариантный образ мира, соотнесенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии. В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, которые определяют этничность национального сознания как отдельного индивида, так и общества в целом. Исходя из того, что «язык и культура рассматриваются как формы существования общественного сознания» ([Тарасов, Уфимцева, 1996]), в структуре этноязыкового сознания выделяются особым образом структурированные пространства: когнитивное, культурное, лингвистическое, состоящие из функциональных/операциональных единиц, каждая из которых несет отдельный квант информации. Вербальными репрезентантами национально-культурной специфики языкового сознания являются *этнокультурные маркеры языкового сознания* (ЭКМЯС), принадлежащие сфере лингвистического пространства и выступающие объективаторами квантов культурно-обусловленных знаний, формирующих национальные когнитивные базы участвующих в акте МКК этноязыковых личностей.

ЭКМЯС могут быть таксономично описаны и подразделены на три типа: лингвоструктурный, лингвокультурный и лингвоэкологический. ЭКМЯС лингвоструктурного типа выделяются на том основании, что в структуре и способах организации семиотического кода отражается форма существования предметного мира с особенностями его свойств и взаимодействий, а в языковой картине мира можно выделить и описать то, что связано с языком и обусловлено его строением и организацией. О несовпадении этнолингвокультурных пространств, связанных со структурным расхождением сопоставляемых языков свидетельствуют языковые формы концептов, обнаруживаемые при сопоставлении систем русского и английского языков, а также языковые формы концептов, выявляющиеся путем характеристики основных единиц этих систем. В ЭКМЯС лингвокультурного типа сосредоточены наиболее явные расхождения контрастируемых этнолингвокультур, так как они возникают из-за несовпадения образов сознания, отражающих предметы и понятия в сравниваемых лингвокультурах. Они имеют языковую репрезентацию в виде средств речевого контакта, языковых формул; проксем, кинем, темпорем, нумерологем, колорем; реалий, культурных символов и этнографических нонемов; вербализаторов аксиологических концептов; единиц фразеологического и паремиологического фондов; вербальных и вербализуемых прецедентных феноменов; целостного текстового отрезка. В ЭКМЯС лингвоэкологического типа фиксируется диалоговое взаимодействие контрастируемых этнолингвокультур, а заимствования концептуального, параконцептуального и бесконцептуального вида представ-

ляют собой отдельный вид ноологизации, влияющий на специфику лингвосферы языка.

При применении методики свободного ассоциативного эксперимента возможно получение данных, свидетельствующих о национально-культурной маркированности языкового знака и особенностях этноязыкового сознания. Результаты свободного ассоциативного эксперимента можно трактовать как объективацию этнокультурной маркированности образов языкового сознания представителей сравниваемых лингвокультур. Они иллюстрируют основные положения таксономичного описания ЭКМЯС, разработанные при изучении текстовых, дискурсных и лексикографических источников, а в конфигурациях ассоциатов обнаруживаются кинесико-проксемные, нумерологические, колоремные, аксиологические, прецедентные и другие подблоки, отражающие соответствующие сегменты языковых картин мира.

Содержание работы отражено в следующих публикациях автора:

монографии:

1. Привалова И.В. Понимание иноязычного текста: Монография. – Саратов: Изд-во Поволж. Межрегион. учеб. центра, 2001. – 175 с. (10,9 п.л.)

2. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. – М: Гнозис, 2005. – 470 с. (29,5 п.л.)

учебные пособия:

1. Привалова И.В., Рисинзон С.А. Теоретическая грамматика русского языка: Методические указания для студентов всех специальностей. – Саратов: Издат. центр СГПИ, 1997. – 39 с. (2,4 п.л.)

2. Привалова И.В., Рисинзон С.А. Языковые и антропологические аспекты перевода: Учебное пособие по курсу общей теории перевода. – Саратов, 1998. – 58 с. (3,7 п.л.)

статьи и тезисы:

1. Привалова И.В. О роли невербальных компонентов при переводе художественного текста // Значение и функционирование языковых единиц. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 56 – 61. (0,37 п.л.)

2. Привалова И.В. Особенности проведения лингвистического эксперимента при исследовании психологической установки // Семантические процессы на разных уровнях языковой системы: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – С. 69 – 73. (0,31 п.л.)

3. Привалова И.В. Роль психологической установки в процессе перевода // Проблемы прикладной лингвистики. – Пенза, 1994. – С. 55 – 57. (0,18 п.л.)

4. Привалова И.В. Психологическая установка при переводе художественного текста // Исследования по художественному тексту: Мат. 3-х Саратовских чтений по художественному тексту, июнь 1994. – Ч. 1. – Саратов Изд-во СГПИ, 1994. – С. 60 – 61. (0,12 п.л.)

5. Привалова И.В., Тихонова О.Н. Из американского опыта интенсивного обучения иностранным языкам // Высшая школа России: исследования и передовой опыт. – Вып. 11-12, поз. 3. – М., 1994. – С. 23 – 28. (0,37 п.л.)

6. Привалова И.В. Психолингвистические и интралингвистические факторы возникновения интерференции // Научно-теоретическое обеспечение профессиональной подготовки студентов педвуза. – Вып. 7. – Саратов: Изд-во СГПИ, 1994. – С. 79. (0,06 п.л.)

7. Привалова И.В. Понимание иноязычного текста под влиянием психологической установки // Психолингвистические исследования: текст и слово. – Тверь: Твер. гос. ун-тет, 1995. – С. 112 – 116. (0,31 п.л.)

8. Привалова И.В. Ошибки при переводе под влиянием психологической установки // Функционирование языковых единиц в разных формах речи. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – С. 59 – 63. (0,31 п.л.)

9. Привалова И.В. Об интерференции родного языка при восприятии иноязычного сообщения // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Мат. 9-ой Тверской межвуз. конф. ученых – филологов и школьных учителей 14-15 апреля 1995 г. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1995. – С. 111. (0,06 п.л.)

10. Привалова И.В. Возможности психолингвистического подхода к изучению импрессивной интерференции // Единицы разных языковых систем и особенности их функционирования: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – С. 79 – 84. (0,37 п.л.)

11. Привалова И.В. О едином подходе в изучении интерференций различного вида // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Саратов: СГАП, 1996. – С. 25 – 28. (0,25 п.л.)

12. Привалова И.В. Проблемы понимания текста при искусственном билингвизме // Социолингвистические проблемы в разных регионах. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 336 – 338. (0,18 п.л.)

13. Привалова И.В. Виды контроля и оценки языковых знаний // Профессионально-ориентированное преподавание общенаучных дисциплин в экономическом вузе. – Вып. 1. – Саратов: Издат. центр СГЭА, 1997. – С. 31-36. (0,37 п.л.)

14. Привалова И.В. К вопросу о характеристике основных единиц системы русского и английского языков // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3. – Саратов: СГАП, 1997. – С. 50 – 56. (0,43 п.л.)

15. Привалова И.В. Применение зарубежных методов тестирования для оценки языковых знаний студентов // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам в вузе: Тез. докл. междунар. науч.-метод. конф. (январь 1998г.). – Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра, 1998. – С. 84 – 88. (0,31 п.л.)

16. Привалова И.В. Нетождественные национально-маркированные языковые единицы // Филология: Межвуз. Сб. науч. тр. – Вып. 3. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – С. 176 – 179. (0,25 п.л.)

17. Привалова И.В. Новые тенденции языкового тестирования // Профессионально-ориентированное преподавание общенаучных дисциплин в эконо-

мическом вузе. – Вып. 2. – Саратов: Издат. центр СГСЭУ, 1999. – С. 35 – 40. (0,37 п.л.)

18. Привалова И.В. Некоторые аспекты лингвистической лакунизации // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам в вузе. – Вып. 2. – Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра, 2000. – С. 114 – 120. (0,43 п.л.)

19. Привалова И.В. Изучение национально-маркированных языковых единиц при формировании навыков межкультурной коммуникации // Теория и практика преподавания родного и иностранных языков в вузе: Мат. междунар. научно-практич. конф. – Саратов: СГАП, 2000. – С. 174 – 176. (0,18 п.л.)

20. Привалова И.В. Типология языковых ревалентов национально-культурного сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тез. докл. Москва, 1-3 июня 2000 г. – М., 2000. – С. 196. (0,06 п.л.)

21. Privalova I.V. Psycho-linguistic Model of Verbal Message Perception // The E – Journal of Tver University: <http://www.tversu.ru> June, 2000. – 11 pp. (0,75 п.л.)

22. Привалова И.В. Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка // Язык. Сознание. Коммуникация. – Вып. 18. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 10 – 17. (0,5 п.л.)

23. Привалова И.В. Кросскультурный тренинг для американских преподавателей в русскоязычной среде // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контактах: Мат. междунар. научно-практич. конф. «Коммуникация – 2002» (“Communicating Across Differences”). – Ч. I. – Пятигорск: издательство ПГЛУ, 2002. – С. 44 – 46. (0,18 п.л.)

24. Привалова И.В. Развитие психолингвистических основ теории межкультурного общения // Предложение и Слово. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2002. – С. 742 – 747. (0,37 п.л.)

25. Привалова И.В. Константная вариативность (опыт лингвистического исследования национально-культурных ценностей) // Язык. Сознание. Коммуникация. – Вып. 22. – М.: МАКС Пресс, 2002. – С. 5 – 15. (0,68 п.л.)

26. Privalova I.V. Linguistic Representation of Cultural Values // Interculturality, Multiculturality, and Comparative Cultural Studies: International Conference by the Research Institute for Austrian and International Literature and Cultural Studies. Vienna, Austria, 6-8 December 2002. – p. 12 – 13. [:http://www.inst.at/kulturen/konf2002.htm#2](http://www.inst.at/kulturen/konf2002.htm#2); (0,12 п.л.)

27. Привалова И.В. Аксиологический фактор в межкультурном общении // Россия и Запад: диалог культур: Мат. 9-ой Междунар. науч. конф. – М.: МГУ, 2002. – С. 41. (0,06 п.л.)

28. Привалова И.В. Современные тенденции коммуникативных исследований: лингвистический аспект // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО – 2002): Тез. докл. Междунар. научной конференции. Санкт-Петербург, 12-13 ноября 2002 г. – СПб., 2000. – С. 228 – 230. (0,18 п.л.)

29. Привалова И.В. Межкультурная коммуникация: лингвистические единицы // Методы современной коммуникации: проблемы теории и социаль-

ной практики. Материалы 1-ой международной научной конференции «МСК – 2002» 27-29 ноября 2002 г. – М.: МГЛУ, 2002. – С. 184 – 186. (0,18 п.л.)

30. Привалова И.В. Национальные особенности функционирования лексических единиц // IV Степановские чтения. Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики. На материале романо-германских и восточных языков: Тез. докл. междунар конф. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – С. 87 – 88. (0,12 п.л.)

31. Привалова И.В. Национально-культурная специфика ценностных доминант рекламного дискурса // Язык. Сознание. Коммуникация. – Вып. 25. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 97 – 102. (0,37 п.л.)

32. Привалова И.В., Купцова Н.В. Сознание – язык – культура – этнос: детерминационная зависимость // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе: Мат. междунар науч. конф. 18-20 сент. 2003 г. – М. – Балашов: Николаев, 2003. – С. 286 – 287. (0,12 п.л.)

33. Privalova I.V. Language consciousness in its ethno-cultural context // Человек в пространстве языка: Мат. Междунар. науч. конф. 8-9 мая 2003 г. Каунас. Литва, 2003. – Каунас: Каунасск. гум. ф-т Вильнюсского ун-та, 2003. – С. 10. (0,06 п.л.)

34. Привалова И.В. Этноцентричность языкового сознания // Русский язык в контексте реформирования российского общества: Мат. Всерос. науч. конф. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2003. – С. 64 – 67. (0,25 п.л.)

35. Привалова И.В. Построение типологии национально-маркированных языковых единиц // Вопросы психолингвистики. – №1. – 2003. – С. 95 – 101. (0,43 п.л.)

36. Привалова И.В. Составление этнических портретов с использованием данных психолингвистического ассоциативного эксперимента // Журнал прикладной психологии. – № 6. – 2003 – С. 31 – 38. (0,5 п.л.)

37. Привалова И.В. Художественный текст как способ фиксации национально-культурных ценностей // Этика и социология текста: Сб. ст. науч.-метод. семинара «ТЕХТУС». – Вып. 10. – Санкт-Петербург, Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. – С. 416 – 419. (0,25 п.л.)

38. Привалова И.В. Лингвистическая перспектива исследования этнокультурной специфики языкового сознания // Слово и текст: психолингвистический подход. – Вып. 2. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – С. 124 – 131. (0,5 п.л.)

39. Привалова И.В. Психолингвистика и теоретические основы межкультурной коммуникации // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты: Мат. второй междунар. конф. – Ростов-на-Дону: издательство УБиП, 2004. – С. 131 – 132. (0,12 п. л.)

40. Привалова И.В. Понимание как основной механизм в осуществлении процесса межкультурного общения // Лингвострановедческий аспект преподавания иностранных языков. – Вып. 5. – Казань: КГПУ, 2004. – С. 89 – 97. (0,56 п.л.)

41. Привалова И.В. Образ мира, языковая картина мира и этнолингвокультурное сознание // Языки и транснациональные проблемы: Мат. I между-

нар. науч. конф. 22-24 апреля 2004 года. – Т. I. – М., Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – С. 86 – 92. (0,43 п.л.)

42. Привалова И.В. Контрастивные исследования этнолингвокультур // Германистика в России. Традиции и перспективы: Тез. науч.-метод. семинара / Новосиб. Гос. ун-т, ИЯ РАН. – Новосибирск, 2004. – С. 106 – 110. (0,31 п.л.)

43. Привалова И.В. *Знак языка – знак культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. вып. «Гуманитарные исследования».* – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2004. – С. 21 – 27. (0,43 п.л.)

44. Привалова И.В. Типологическая обусловленность понятийно-грамматической категоризации // Проблемы типологии языка. – Ч. I. – Казань: КГТУ, 2004. – С. 141 – 146. (0,37 п.л.)

45. Привалова И.В. К определению понятия «Языковые маркеры национально-культурного сознания» // Язык. Сознание. Коммуникация. – Вып. 26. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 91 – 97. (0,43 п.л.)

46. Privalova I.V. Ethnopsycholinguistic Model of Intercultural Communication // CD-ROM Materials of NCA National Convention “Moving Forward/Looking Back”. – Chicago, Ill., November 11-14, 2004. – P. 42 – 53. (0,75 п.л.)

47. Привалова И.В. *Национально-культурные ценности в художественном тексте // Русский язык за рубежом.* – № 1. – 2004. – С. 76 – 80. (0,31 п.л.)

48. Привалова И.В. *Разнообразие подходов в развитии теоретических основ межкультурного общения // Вестник Московского университета. Сер. №19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – № 3. – 2004. – С. 85 – 97. (0, 81 п.л.)

49. Привалова И.В. *Структура и составляющие этнолингвокультурного сознания // Сибирский филологический журнал. Сибирское отделение СО РАН.* – №2. – 2004. – С. 54 – 59. (0, 37 п.л.)

50. Привалова И.В. Функционально-семантический статус проксем в контрастивных этнолингвокультурах // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: Междунар. сб. науч. трудов. – Вып. 2. – М., Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. – С. 445 – 450. (0,37 п.л.)

51. Привалова И.В. *Сопоставительные исследования разноструктурных языков в антропоцентрической парадигме // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – Т. 2. – Вып. 1. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. – С. 8 – 13. (0,37 п.л.)

52. Привалова И.В. *Когнитивный анализ языковых формул в разноструктурных языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – Т. 1. – Вып. 1. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. – С. 36 – 39. (0,25 п.л.)

53. Привалова И.В. Возможности когнитивно-дискурсивного подхода в контрастивных исследованиях языковых систем // Реальность. Язык и сознание: Международ. межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3. – Тамбов: ТГУ, 2005. – С. 165 – 169. (0,31 п.л.)